

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

СЕВАСТОПОЛЬ

Владислав
Выставной

Владислав Валерьевич Выставной
Кремль 2222. Севастополь
Серия «Кремль 2222»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9527404
Кремль 2222. Севастополь: [фантастический роман] : АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-090256-9

Аннотация

В схватке с мародерами Зигфрид спасает странного чужеземца. Тот направляется в Кремль за помощью. Если верить чужаку – мир стоит на краю гибели. Время неумолимо, а до Кремля далеко – решение нужно принимать здесь и сейчас.

Зигфрид и его верный друг Книжник готовы поставить на кон свои жизни ради спасения всего, что им дорого. Могут ли двое заменить кремлевскую дружину? Возможно, если эти двое – закаленные в схватках бойцы. Один в совершенстве владеет мечом, другой – забытыми знаниями. Это все, с чем они отправятся туда, куда двести лет не ступала нога человека Кремля. Там, где на берегах моря-убийцы восстает из пепла Последней Войны овеянный легендами Севастополь.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	21
Глава 3	31
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владислав Валериевич Выставной
Кремль 2222. Севастополь
Фантастический роман

© В. Выставной

© ООО «Издательство АСТ»

Пролог

Море кипело.

Черным дождем сыпались с неба опаленные чайки.

Протяжно и страшно кричали дельфины.

Над гигантским, до горизонта, котлом поднимался пар, смешавшийся с радиоактивным дымом. Над горизонтом стояло зарево. Это не закат – это расползающийся по небу гриб ядерного взрыва.

Они промахнулись – сработали системы ПРО. Чудовищная ирония судьбы: отклоненный защитными системами удар пришелся по силам самого врага, пытавшимся прорваться к бухте. Большая часть группировки испарилась в ядерном хаосе или была сметена взрывной волной, поставив крест на хорошо подготовленном массированном десанте. Хуже всего, что взрывом уничтожено воздушное прикрытие – армада дронов – и ударное авиакрыло истребителей-бомбардировщиков. Одиноким «АВАКС» в безопасной пятидесятимильной зоне не в счет – наводить ему некого. Решать поставленную задачу придется кораблям.

База устояла. Она продолжала жить и сражаться.

Но это была агония.

Уцелевшие десантные корабли объединенных сил НАТО сходились с флангов, огибая бурлящий центр атомного ада. Оставшихся в живых гнал не фанатизм, не стремление погибнуть за эфемерные идеалы Западного мира.

Их вела автоматика.

Казалось, все кончено. Через минуты уткнувшиеся в берег суда изрыгнут на берег сотни бездушных боевых машин, и история города, сотни лет люто ненавидимого врагами, оборвется навеки.

Биороботы не знают жалости. Говорят, при создании концепции боевого ударного робота на это был сделан особый упор: если солдат может дрогнуть, усомниться при виде женщины или ребенка, то у машины не возникнет сомнений.

С этим городом сомнений быть не могло – он должен быть уничтожен, стерт с лица земли.

Не только как мощная военно-морская база, как последний оплот обороны противника.

Его надо уничтожить как символ.

Стереть даже память о нем, а с ней – сам дух этого народа, считающего себя особенным, выбивающимся за рамки всемирной бухгалтерии.

Просто списать со счетов. Как уже списаны колоссальные долги государств блока, инициаторов тотальной бойни. История человечества уже переписана – пора подвести реальность под эти записи.

Когда нет шансов выиграть шахматную партию, на помощь приходит «американская ничья» – надо просто смахнуть фигуры со стола.

Обнулить историю.

Ведь это так просто. Так, видимо, думали те, кто отдал приказ. И не важно, что сами они уже превратились в радиоактивный пепел, не успев даже удивиться.

Приказ отдан и должен быть приведен в исполнение.

Корабли шли на бухту, формируя боевой строй по «сотовому» принципу, управляемые сетевой командной системой. Препятствий не было. Чистая математика: силы противника на две трети меньше, даже с учетом досадной потери от ядерного «дружественного огня».

Клиновидные корпуса транспортов уверенно взрезали мертвую воду. Не было даже волнения, будто и волны, и ветер мертвы, как и все живое, до самого горизонта. Вскоре должен показаться вход в бухту, прикрытый некогда мощными, но теперь бесполезными

укреплениями. Маяки умерли в момент ядерной вспышки, береговые батареи молчали. Корабли прикрытия уже получили команду на превентивный залп по береговой черте: никаких неожиданностей быть не должно, перед высадкой десанта противника полагается максимально обескровить. Сейчас древние крепости скрыты клубами дыма, стелющегося над волнами. Но автоматике «десантников» не нужно зрение, выжженное вспышкой. Их вели спутники, уцелевшие после скоротечной орбитальной битвы.

А потому уцелевшие сенсоры не сразу заметили, как в десятке кабельтовых от ближайшего мыса из густого черного облака показался острый, как бритва, нос боевого корабля. Неудивительно – огромный корпус был черен, отчего сливался с водой и дымом, а плоские, угловатые антирадарные панели и системы радиоэлектронной борьбы делали его мало заметным для вражеской электроники.

Корабль медленно выползал из дыма – мрачный и бесшумный, как «Летучий Голландец». Казалось, этот корабль-призрак мертв: его корпус был изрешечен пробоинами и измят после авианалетов, на палубе было безлюдно.

Разведка докладывала: после морской мясорубки в Средиземном море база осталась без прикрытия с моря. Старый, пусть даже модернизированный крейсер, в расчет можно не брать. Единичным кораблям нечего противопоставить доктрине роботизированного «москитного флота».

Но вот он – корабль.

Досадная, но уже ничего не решающая помеха на пути атакующих.

Плавучая машина ожила, ошестинившись лучами прожекторов, взрезавших дымную мглу. С визгом развернулась на баке автоматическая артустановка – корабль-призрак показал зубы. Оглушительная очередь стодвадцатимиллиметровых снарядов устремилась навстречу врагу, поставив перед ним заграждение из пенных водяных столбов. Электроника мгновенно сделала поправку, откорректировав сбитый прицел. С этого момента ни один снаряд не пропадет даром.

Севастополь двинул в бой свой последний крейсер.

Те, кто вел корабли десанта, оценили угрозу. Но обратного пути не было – и стремительные машины лишь прибавили ходу.

Злобный вой, грохот и пламя – под острым углом, одна за другой в небо ушли противокорабельные ракеты. Резкие пируэты в небе – и ракеты нашли цели. Ревущие метеоры обрушились с неба – как несколько яростных ударов молота Тора. Ни единого промаха – все цели поражены и, догорая, уходят на дно. Уничтожены самые опасные враги – корабли прикрытия. Крейсер, три эсминца и несколько корветов превратились в горящее металлическое месиво, быстро проваливающееся под воду. Но надвигающаяся армада, кажется, не стала меньше. Торпедные аппараты методично сплевывали увесистые сигары торпед, и строй врага был прорежен еще на несколько единиц.

Наступавшие не оставались в накладе: пришедшие в чувство радары противника захватили цель. По сложным траекториям к крейсеру устремились ракеты. Корабль бойко отстреливался противоракетами и бешеным огнем многоствольных зенитных установок. Несколько ракет было сбито на дальнем эшелоне, чуть меньше – на среднем, и пара – практически у борта.

Но в современном бою решает статистика. Корпус крейсера сотряс один удар, другой, корабль заволочло жирным дымом – в огромные, уродливые пробоины стала поступать вода. Ракеты и торпеды были израсходованы. Лишь артустановка продолжала мерно долбить по противнику, уверенно вгоняя снаряд за снарядом в хлипкие корпуса транспортов.

Крейсер выполнил свою роль: вражеский строй нарушен, сеть управления расползлась под напором систем электронного противодействия. Управление десантными кораб-

лями утратило четкость и слаженность. Но кашлянула в последний раз и запнулась артустановка – кончились снаряды. Крейсер перестал быть серьезной боевой единицей.

Так казалось наступавшим.

Тяжело, обильно всасывая пробоинами воду, корабль отступал к бухте. Это выглядело, как признание поражения.

Вперед, на расстояние прямой видимости, вырвались два уцелевших вражеских эсминца. Расчет был прост: ворваться в бухту под прикрытием поврежденного черного корабля и окончательно расчистить дорогу десанту.

Обескровленный крейсер не мог оторваться. Он и не пытался укрыться в бухте. Между двумя молами, прикрывавшими бухту от волн открытого моря, он сбавил ход и вдруг с грохотом сплюнул якоря. Непонятно зачем – крейсер быстро погружался, уходя кормой в воду.

Эсминцы не стали сбавлять ход. Все, что было нужно – прорваться вдоль бортов умиряющего крейсера, по ходу добив его в упор из имевшегося вооружения. Красивые, стремительные корабли – они напоминали хищных рыб, готовых растерзать ослабевшую касатку. Вздывая пенные буруны, они с противоположных сторон огибали изувеченный корпус крейсера, когда случилось неожиданное.

Мощный взрыв сотряс пространство между мысами. Взметнулись обломки. Крейсер переломило пополам, но к тому же изувечило и опрокинуло эсминцы. Все три корабля в клубах жирного оранжевого огня уходили на дно.

Прямо в центре фарватера, намертво запечатывая вход в бухту.

Транспорты сбавили ход, словно уткнувшись в стену. Перед ними была непроходимая мешанина огня и искореженного металла. Командные системы лихорадочно принимали решение.

Но было поздно. Ожили береговые батареи, накрыв дрогнувшего противника самым примитивным, древним, как мир, артиллерийским огнем. Лишенные прикрытия десантные корабли судорожно отстреливались из приданного вооружения. Но против главного калибра береговых батарей это было практически бесполезно. Некоторым удалось высадить десант – но единичные боевые машины, высаженные на незапланированных участках береговой черты, были быстро прижаты к земле и уничтожены массированным огнем танков и наземной артиллерии. Часть кораблей пыталась уйти в море. Корректируемые снаряды нашли всех.

Искореженные корпуса эсминцев скрылись под водой. Лег на дно пожертвовавший собой крейсер. Но матовая граненая вершина надстройки огромного корабля так и осталась возвышаться над водой, как черный гранитный обелиск.

Наступила тишина.

И длилась она две сотни лет.

* * *

Слава открыл глаза. Сердце билось гулко и часто.

Трудно перейти от видения к реальности, если сон ярче и достовернее окружающего мира и снится с настойчивой регулярностью. Странное явление, которому никто не может дать объяснения. Потому что не сон это – явь, намертво впечатанная в генетическую память рода. Сон этот снится всем мужчинам в его роду, иногда – через поколение. И отцу снился, и деду, и прадеду. Братьям, правда, не снится, но они – исключение. Наследие поколений, которое не сотрешь, не выкинешь. Как клеймо в душе. То ли проклятье, то ли благословение. Обратная сторона способностей, которыми их наделила природа. Изуродованная природа послевоенного мира.

Кряхтя, сел, откинул капюшон комбеза из плотной черной ткани, огляделся.

Вечерело. Шура и Малой возились с костром, в мусорной куче неподалеку что-то шуршало и злобно попискивало.

Однако расслаживаться нет времени, быстро поесть – и в путь.

Встав на колени, он склонился над лужей и с трудом узнал себя в отражении. На него глядел мрачный громила с бритой головой и квадратным подбородком. Татуировка – выползающие с торса на шею щупальца злобного кракена. Со взглядом что-то не так, что ли? Глаза прищурены, взгляд колючий, тяжелый. То ли от усталости, то ли от угрюмого понимания: на карту поставлено все.

Погрузил в воду покрытые татуировками ладони. Бережно зачерпнул, умылся.

Вода. Живительная и священная. Может даровать жизнь, а может и убить невидимой, растворенной в ней смертью. В памяти снова проплыли картины: далекие южные скалы, багровый горизонт. Море-кормилец. Море-убийца.

Подсев к костру, протянул к огню руки, замер, согреваясь. Все же живой огонь, от него и энергия особая. Периферийным зрением уловил в темноте движение.

– А это кого еще черт несет? – тихо спросил Малой. Потянулся за автоматом.

– Не дергайся, Маля, – сказал Слава. – Видишь – в открытую идут.

Сам же незаметно коснулся рукояти «Глока» в открытой кобуре на поясе.

Из темноты вышли двое – открыто, не таясь, не пытаясь скрыть оружие. Хотя кто здесь без оружия бродит? Один, вроде, человек, второй – черт его знает кто. По крайней мере, руки-ноги на месте.

Кивком пригласил незнакомцев к костру, так же незаметно убрал ладонь с рукояти пистолета. Что-то они говорили, но усталый мозг даже не осмысливал ненужную информацию. Уловил только момент, когда один из незнакомцев протянул руку.

– Иван. Прозвище – Снайпер. Это – Рудик, спир. В Москву идем.

Слава поглядел в глаза этого парня. Точно – Снайпер: взгляд цепкий, как застежка-«липучка», аж кожей ощущается. Это хорошо, выразительный взгляд говорит об открытости натуры. Слава неторопливо пожал сухую холодную ладонь, сжавшую его пятерню каким-то особым хватом – небось как рукоять снайперской винтовки, что торчит у него за плечами.

– Вячеслав. Слава с Балаклавы – для своих.

– А мы и есть свои в доску, – заверил Снайпер.

– Надеюсь, – прищурившись сказал Слава. – Хотя не понял, зачем первому встречному свое имя и маршрут выкладываешь.

– В доверии – сила. Не слышал про это?

Слава помолчал, изучая чужака тяжелым взглядом.

– Не слышал, – криво улыбнувшись, сказал он. – В наших краях так не считают.

– А где они – те края?

– Далеко. Севастополь, слышал?

– Да ладно?! Как же вы из такой дали сюда добрались?

– Не важно. Намнем для ясности.

– Понял. Сам не люблю, когда с вопросами лезут...

Они еще говорили о чем-то – о чем говорят случайные знакомцы у ночного костра. А еще была гитара – ее нашли неподалеку в брошенном доме. Лишний груз, но он не удержался, взял с собой, несмотря на ворчание Шуры. Тот и дома не одобрял его «бренчание». А тут и струны нашлись в полуистлевшем мягком кофре. Самое время опробовать, потому что нет лучше времени для гитары, чем ночь, костер и случайные слушатели.

Вновь, целуя невест, покидаем свой кров,
Вновь уходим в туман, с злыми ветрами споря,
Наш единственный крест – это роза ветров,

Наш единственный бог – это Черное море.

Песня оборвалась с лопнувшей струной. И то верно, не время для песен.

Новые знакомые довели их до МКАДа, до легендарного Купола, замкнувшего древний город. Тогда-то Слава и заметил болтавшийся на груди Снайпера жетон. Обычный, армейский вроде, жетон, только с каким-то странным камешком, вставленным в центр. Казалось, эта штуковина ни с того, ни с сего обожгла хозяина – так резко тот выдернул ее из-за пазухи. Ткань камуфляжной куртки под ним задымилась.

И Слава понял, что это.

– Жемчужина... – проговорил он.

Точно, она – порождение гигантского моллюска со дна Мертвого залива. Точно такую же добыл его дед, и это стоило ему жизни. Он ни секунды не сомневался, что это она: по Куполу побежали разряды, стала образовываться брешь. Эта жемчужина как губка впитывает окружающую энергию, для нее что костер, что аккумулятор, что энергия взрыва – все впитывает и вот так характерно раскаляется. Может быть оружием, а может...

Слава поглядел на Купол.

Может быть и ключом.

Вот это он и выложил Ивану по прозвищу Снайпер. В ответ тот просто вложил жетон с жемчужиной в его руку. Кожу знакомо обожгло.

– Ты знаешь, что с этим делать, – сказал Снайпер.

Слава не знал. Но отказываться от такого дара – грех. Взяв жетон, шагнул в сторону Купола. Брешь в искрящемся поле увеличилась, и пришлось сбросить жетон, удерживая его лишь за цепочку – иначе жемчужина прожгла бы руку.

Путь на Кремль был открыт.

Там они и расстались.

Казалось, осталось совсем немного, и долгий, смертельно опасный путь подойдет к концу.

Но кажущаяся близость цели оказалась иллюзией.

Глава 1

Путник

Пули лупили в бетон над головой, обильно осыпая пыльным цементным крошевом и грозя зацепить рикошетом. Стреляли беспорядочно, но обильно и злобно, даже не думая экономить драгоценные патроны.

Зигфрид вжался в землю, укрывшись за железобетонной балкой. Грохот автоматов, вой и визг взбесившихся пуль говорили об одном: живым его не выпустят. Он ценная добыча – весь, как есть, целиком. От оружия и личных вещей до мяса, костей и даже тепла остывающего тела: эти подонки не побрезгают напиться его горячей крови. Гемоглобин в этих руинах на вес золота, допинг не хуже наркотика.

Новая очередь – и рядом грохнулся отколовшийся кусок бетона. Мародеры не экономят на пулях – им все достается за так. Потому что трупы всех ими убитых – ничто по сравнению с благополучием мародера. В этом главное преимущество этих мерзавцев – отсутствие тормозов. Мародеры опасны не оружием или каким-то особым боевым искусством, а полной непредсказуемостью. Глупо говорить о каких-то принципах у бродячих бандитов, но даже у безумных отморожков, вроде дампов или нео, есть определенный кодекс поведения, и это позволяет более-менее понимать их мотивацию и предугадывать поступки. Эти же подонки не относили себя ни к какой определенной группировке, и каждый из них думал только о собственной шкуре. Но при том шкуру эту ценил настолько, что готов был утопить весь мир в крови ради ее сохранности.

Однако все это лирика. Вопрос в том, что противопоставить этому бешеному напору, когда в руках один только меч? Двенадцать убойных патронов в своих револьверах он отстрелял третьего дня, прижатый к стенке голодным биороботом типа «раптор». Холодное же оружие эффективно лишь в ближнем бою – любая огневая мощь сходит на нет, когда стреляющий находится на расстоянии выпада. Осталась сущая безделица – выбраться из ловушки и дотянуться до этих гадов.

Похоже, он переоценил свои силы. Думал прошмыгнуть в эту неожиданно образовавшуюся дыру в Куполе. Редко так удачно найдешь прореху в убийственной энергетической стене. Да, видать, не он один такой хитрый. Банда отморожков с ходу потянулась сюда, видимо, задумав устроить засаду в этом «узком месте». И, похоже, удачно. По крайней мере, эти уроды так думают. Их можно переубедить – если подобраться поближе, чтобы использовать свое единственное преимущество – навыки рукопашной.

– Эй, хорош патроны переводить! Я сдаюсь!

В ответ лишь новая порция пуль. Тут все ясно: мародерам не нужен пленный вест. То ли они знают, что он за птица, и не хотят связываться, то ли просто не заинтересованы в пленнике.

А может, просто хотят жрать. Это самый реальный вариант. Мародеры жрут все, что движется. Жрут и насилуют. Иногда сначала насилуют, а потом жрут. Брезгливости они лишены начисто. Они нарочно опускают себя до уровня животных – думают, что это повышает их шансы на выживание. Спорное решение: мародеров ненавидят все. Любая группировка при встрече стремится уничтожить этих гадов, просто опасаясь удара в спину. С мародерами невозможно договориться, нельзя заключить союз. Их можно только убить или самому стать жертвой.

Самое мерзкое заключается в том, что никто не застрахован от варианта стать одним из них. Мародерство – это не убеждение, это единственно возможный способ выживания для тех, кто уже встал на эту дорожку. Говорят, были на Земле когда-то такие звери – львы.

Обычный лев – просто хищник, редко нападающий на человека. Но больной или раненый лев может отведать человечины. С этого момента он уже не хищник – он людоед.

Мародер.

Идея пришла внезапно, и она была проста, как сама глупость.

– Выхожу! – крикнул он и выбросил вперед меч.

Обозначил попытку подняться, после чего вскрикнул и перестал шевелиться. Пусть думают, что зацепили.

Теперь можно ждать с комфортом. Сами подойдут, чтобы добить.

Мародеры прекратили огонь, но подходить не торопились. Лежа на спине, Зигфрид смотрел в серое небо через полуприкрытые веки. Это расслабляло. Черт, не уснуть бы, чего доброго.

Врагов он так и не дождался. Вместо этого в стену над головой ударился тяжелый металлический предмет. Отскочил – и плюхнулся прямо в руки.

Граната.

Вот это подарок!

Некоторые решения приходят спонтанно. Но эта спонтанность иллюзорная – срабатывают наработанные годами рефлексy и весь подсознательный опыт. Отсутствие сомнений – преимущество, позволяющее сократить время принятия решения до нуля. Так было и в этот раз.

Граната мгновенно улетела обратно. Вовремя: оставшейся половины секунды ей хватило лишь чтобы взмыть на пару метров над асфальтовой крошкой и бахнуть прямо в воздухе. Зигфрида едва не посеколо осколками – он успел вжаться в спасительную балку. Кидавшим повезло меньше: оборонительная граната «Ф-1» с радиусом разлета осколков в двести метров – вещь страшная, и кидать ее стоит лишь из надежного укрытия. Укрытие мародеров нельзя было назвать надежным – уверенные в том, что просто добивают раненого, они не ждали такой «обратки». Кто-то неосторожно высунулся, кто-то просто вжался в землю, что бесполезно против воздушного взрыва на расстоянии прямого поражения.

Так что, когда он пружиной выпрыгивал из своего укрытия, мародерам было не до него: часть из них, оглушенных и посеченных осколками, металась и выла от боли, мешая сориентироваться остальным. И когда уцелевшие поняли, что к чему, он успел уже подхватить выброшенный меч и выдернуть его из ножен. Запоздало загрохотали автоматы, но это уже не могло помочь нападавшим. Стремительно и тихо, как тень, он возник в центре группы обвешанных оружием и трофеями оборванцев. С этого момента преимущество автоматического оружия было сведено на нет. Более того, оно обернулось против обладателей автоматов: пытаясь попасть в бешено перемещавшегося воина, мародеры поливали пулями пространство вокруг себя, в страхе за собственную жизнь забывая о жизнях товарищей. Двое успели попасть под пули подельников, перед тем как в дело вступил клинок недавней добычи.

С этим зверьем воин не церемонился. Меч выписывал в воздухе сложные пируэты, целью которых была не красота движения, а максимально эффективное перемещение рубящей кромки. В стороны полетели отрубленные руки, ноги, головы, развалилось на неравные части туловище какого-то бедняги, и хлынули во все стороны густые алые потоки.

Стрельба смолкла. Какое-то время еще стонали раненные осколками гранаты и пулями, пока Зигфрид четкими, экономными ударами не оборвал эти стоны. Наступила тишина. Лишь шипела на раскаленном лезвии вскипевшая кровь. Меч у воина непростой – закаленный в особом Поле Смерти. На воздухе металл раскаляется и начинает прилично фонить, поэтому держать его можно лишь в специальных ножнах, от греха подальше. Потому Зигфрид подобрал отброшенные заплечные ножны, забросил на ремне за спину. И только теперь заметил, что проход в энергетической стене Купола затянулся.

– Ну вот, зря старался, – вытирая клинок куском чьего-то отрубленного рукава, проговорил Зигфрид. Просто нужно было хоть что-то произнести вслух, чтобы восстановить равновесие духа.

Он уже собирался убраться отсюда – поскорее, пока не подобрались новые охотники за дармовым добром. А то и, чего доброго, какие-нибудь хищные твари, учуявшие запах крови. Нырнуть в руины – и тихонько, вдоль МКАДа, пока не отыщется другая прореха в этом дырявом Куполе...

Что-то его остановило, заставило насторожиться и крепче сжать рукоять меча. Кто-то был рядом. Прятался в развалинах и, возможно, целился сейчас ему в затылок.

Резко ушел в тень, нырнул в развалины. Прислушался. Ощущение опасности притушилось, зато укрепилось убеждение: рядом кто-то есть. Обошел место побоища по широкой дуге, вышел в спину предполагаемому врагу. Странное дело, тот никак не проявлял себя, хотя в привычки мародеров такое терпение не входило. Ему бы улепетывать отсюда на всех парах. Ан нет, затаился.

Решив не затягивать, Зигфрид бесшумно пробрался по чудом уцелевшим перекрытиям второго этажа взорванного когда-то здания и с ходу, не глядя, прыгнул. Тут все решают доли секунды – или ты его, или он тебя, так что ориентироваться придется в «полете». Воин любил такую вот импровизацию. Внезапность – залог победы.

Только на этот раз внезапность оказалась лишней. Тот, затаившийся, не проявлял агрессии. Да и захотел бы напасть – вряд ли что вышло бы из этой затеи. Трудно нападать, будучи туго связанным нейлоновым тросом и с кляпом во рту.

Отправив меч в ножны, Зигфрид огляделся. Чуть в стороне валялся мертвый мародер – один из подцепивших «дружественную» пулю и пытавшийся здесь спрятаться. Добывать его не придется – сам издох.

Зигфрид перевел взгляд на связанного. Подошел ближе, присел рядом. Внимательно осмотрел. Незнакомец был без сознания и полулежал, прислонившись спиной к стене. Но даже таким он выглядел довольно грозно – высокий, ладно сложенный, крепкий. Руки и шея, выступавшие из пыльного черного комбинезона, были обильно покрыты татуировками. Бледные цветные рисунки были необычны для этой местности: какие-то рыбы, гарпуны, якоря и щупальца. Кому придет в голову накалывать такое? Разве что тому, кто имеет хоть какое-то отношение к морю. А какое здесь, к чертям, море? Видать, парень издалека. И это уже интересно.

Выдернув изо рта пленника грязную тряпку, Зигфрид похлопал его по щекам. Парень застонал и с трудом разлепил глаза.

– Чего надо? – прохрипел он.

– Да мне – ничего, – сообщил Зигфрид. – А вот ты откуда здесь взялся?

Парень мгновенно пришел в себя, зыркнул глазами-щелочками в одну сторону, в другую, делая при этом какие-то свои выводы. Впился тяжелым взглядом в Зигфрида, заинтересовался с вызовом:

– Я-то и был здесь. А ты сам откуда свалился?

Зигфрид тихо рассмеялся:

– А ты наглец! Валяешься связанный, а еще права качаешь!

– А это не твое дело. Хочу – и валяюсь.

– А, ну это нормально, – Зигфрид с пониманием кивнул. – Ну что, расскажешь, кто ты такой и чего тебя эти мерзавцы схватили?

– Развяжи! – угрюмо потребовал незнакомец.

– Да ты не волнуйся, браток, развяжу. Но должен я знать, кого отпускаю? Может, ты похуже мародеров будешь.

Связанный нахмурился и промолчал.

– А, ну это твое право, – кивнул Зигфрид. – В принципе, можешь и дальше отдыхать, а я пойду. Времени играть в молчанку нет. Мне еще лаз в Куполе отыскать надо.

Воин подмигнул связанному и отправился прочь. Он уже завернул за угол, когда услышал приглушенное:

– Стой!

Зигфрид едва заметно улыбнулся, выглянул из-за стены:

– Да?

– Я в Кремль иду. Издалека...

– Вот как? Очень интересно...

Зигфрид вернулся к пленнику, внимательно поглядел в его глаза – и выдернул кинжал из-за пояса. Собрал путы на груди пленника в кулак и перерезал единственным коротким движением. Чиркнул по веревкам, стянувшим запястья за спиной незнакомца, и стал наблюдать, как тот сам завершает свое освобождение.

Отбросив обрывки веревок, парень исподлобья поглядел на воина, сказал:

– Я твой должник.

– Не усложняй, – равнодушно сказал Зигфрид. – Скажи лучше, что тебе в Кремле понадобилось?

– А почему это тебя интересует?

– Я сам, считай, кремлевский. Так что мне не все равно, кто к нам неведомо откуда бредет.

– Сейчас... – незнакомец знаком показал: погоди.

Огляделся, увидел труп толстого бородатого громилы с кровавой дырой во лбу. Подошел, встал рядом на одно колено. В этот момент Зигфрид немного напрягся, машинально подняв ладонь к рукояти меча, торчавшей из-за плеча. Мало ли, вдруг освобожденный подхватит невзначай пистолет, валяющийся рядом с трупом, и в благодарность пальнет в освободителя? В этих развалинах подобное в порядке вещей. Может, и связали его оттого, что он даже среди отморозков славится полным отвалом башки.

Незнакомец не стал хвататься за оружие. Вместо этого он нашарил на груди убитого какой-то предмет на цепочке, сорвал и протянул воину:

– Это тебе. Считай, в благодарность.

– Что это? – Зигфрид с сомнением поглядел на вещицу. Какой-то жетон на цепочке, вроде армейского. Только странный такой камушек посередке и металл вокруг камушка, похоже, опален дочерна. Покачал головой:

– Я всякие безделушки на себе не таскаю. Разве что она ценная, продать можно? Так оставь себе, пригодится.

– Тебе сквозь Купол пройти надо? – с напором сказал освобожденный. – Считай, это ключ!

Воин подставил руку, в нее скользнул странный предмет. Недоверчиво оглядел со всех сторон. Неужто и правда – ключ?

– Можешь проверить, – устало сказал парень. Накинул капюшон, сел на груды щебня, склонив голову. – Только просьба: подскажи, как до Кремля добраться? Вопрос жизни и смерти.

Зигфрид насторожился, оторвал взгляд от безделушки, поглядел на путника. Сказал:

– А ты что, в одиночку дойти хочешь?

Парень угрюмо поглядел из-под капюшона, сказал глухо:

– Были у меня спутники. Убили их. Эти вот.

Зигфрид понимающе кивнул.

– Бывает. Только не дойдешь ты.

– Почему?

– Долго рассказывать. Чужак ты здесь. Сам посуди: ты и двух шагов внутри МКАДа сделать не успел, как вляпался в историю. А впереди шамы, нео, маркитанты – да мало ли кто? Я уж про Садовое Кольцо не говорю: если не знать, где его пересекать, – это гарантированная гибель.

– И что ты предлагаешь?

– Насколько важное оно, твое дело?

– Настолько, что говорить о нем я буду только с главнокомандующим.

– С кем?! – Зигфрида было трудно удивить, но сейчас невольно головой тряхнул. – Это кто ж такой?

– Ты же говорил, что кремлевский! – освобожденный заметно напрягся.

– Так и есть. Только не слышал ни про какого главного... Как ты там сказал?

– Главкома.

– Вот-вот. Из «главных» у нас только князь.

– Князь? – парень недоуменно пожал плечами. Снова насупился и сказал упрямо:

– Значит, мне к нему.

Зигфрид с сомнением оглядел освобожденного. Он, конечно, странный, но его целеустремленность вызывает уважение. Весты ценят в людях эдакий внутренний стержень, такой не часто встретишь в обитателях здешних развалин. Да и если подумать, вылазку за МКАД можно и отложить. Кто его знает, может, этому пришельцу издалека действительно есть, что сообщить князю. В таком случае было бы непростительно отказать ему в помощи. Как говорится, лучше сделать и пожалеть, чем пожалеть о несделанном.

– Зигфрид, – воин протянул парню руку.

Тот недоверчиво пожал ее, выдавив:

– Вячеслав.

– Достойное имя, кремлевское, – произнес воин. – Ладно. Я отведу тебя в Кремль. Но с одним условием.

Новый знакомый глядел на воина, ожидая продолжения. Спокойно так, будто привык ничему не удивляться, ничего не бояться. Хороший взгляд.

– Полное подчинение, – продолжил Зигфрид. – «Делай, как я» – знакомая фраза?

– Знакомая, – произнес Слава. – Только к чему это? Я, чай, не сегодня на свет родился.

Зигфрид усмехнулся:

– Сегодня ты родился, сегодня. Когда я на тебе веревки разрезал. Считай, пуповину оборвал. А подчиняться ты будешь не для того, чтобы меня порадовать, а чтобы нас обоих не угробить. Ну что, согласен?

Колебания длились секунду. Глаза путника сверкнули.

– Согласен, – сказал Слава, поднимаясь. – Только пойдем сразу – и быстро. У меня времени нет.

– Пойдем так, как я скажу, – в голосе Зигфрида прозвучали стальные нотки. – Или пойдешь один.

Парень набычился, скрипнул зубами под своим капюшоном, но спорить не стал. Молча подобрал автомат одного из убитых мародеров, взял три запасных магазина и уродливый вещмешок с награбленным провиантом. Молча поглядел на воина.

Так и пошли.

С первых шагов они едва не нарвались на септ дампов. Что здесь делали зловещие обрыванцы – неизвестно. Возможно, подтянулись на шум схватки. Эти больные психи, замотанные в гнилое тряпье, как египетские мумии, остро чувствуют запах мертвечины. Наверное, оттого не обратили внимания на затаившихся в руинах людей – их больше интересовали убитые мародеры. Мимо проплыли тихие тени, и тут же потянуло характерным могильным запахом.

Считается, что дампы – не просто отморозки, вроде тех же мародеров. Это болезнь, чем-то напоминающая проказу. Только в отличие от банальной лепры эта дрянь убивает особо – взвинчивая до предела обменные процессы, из-за чего дамп «сгорает» за несколько лет, буквально сгнивая заживо. При этом, будто компенсируя страдания и неизбежный финал, болезнь вызывает дикую активность, ярость, даже бешенство. Но главное – бесконечную тягу к насилию и изощренным убийствам. Оттого опытные воины предпочитают не попадаться живыми в лапы этих убийц.

Новый спутник оказался не робкого десятка, и сразу потянулся к автомату. Зигфрид жестом остановил его. Уложить септ непросто. Куда легче получить опасную рану, а то и арбалетный болт в голову. А то, глядишь, еще кто на шум подтянется. Зигфрид предпочитал без особой надобности в драку не лезть. Тем более, если стоит более важная, а главное, вполне конкретная задача – просто добраться до Кремля.

Потому, выждав немного, они тихо выскользнули из укрытия и продолжили путь. Продвигались достаточно быстро. Путь в целом был известен, почти везде чист, но в районе Третьего Транспортного пришлось сделать крюк: судя по грохоту и реву, впереди делили территорию два био. То ли «рексы», то ли «рапторы», отсюда не разберешь. Пыль над руинами стояла столбом, мощные корпуса бились в ветхие стены, кроша бетон и кирпич. В другое время было бы любопытно понаблюдать за итогом схватки, но этот странный крепыш нетерпеливо «бил копытом», норовя уйти вперед.

Всю дорогу Зигфрид присматривался к спутнику. Порыв помочь незнакомцу был естественным, но по мере продвижения к цели, стали возникать и первые сомнения.

Во-первых, это упорное нежелание раскрыть свои цели. Можно понять недоверчивость к незнакомцам, но хотя бы какой-то намек помог бы быстрее наладить контакт с проводником. Славе было плевать на контакт, на взаимопонимание и прочие мелочи.

Во-вторых, сама его личность. Даже если он назвался настоящим именем, это не объясняет, кто он и откуда сюда заявился. Все эти непонятные наколки, странная манера поведения, какой-то непривычный говор – все это не могло не настораживать. А еще странный, смугловатый цвет кожи, явно не врожденный, а приобретенный при определенных условиях. Как же это называется? Ах, да – загар. Совершенно немыслимая роскошь в пыльных руинах Москвы.

Ну и в-третьих – его бешеная настойчивость, даже бескомпромиссность в совершенно проигрышных ситуациях. Этот парень готов был сдохнуть, но добиться своего. Можно было бы возразить: нормальная целеустремленность, желание достичь поставленной цели. Простая речь, ясный открытый взгляд – это ли не свидетельствует о чистоте намерений?

Свидетельствует. Только намерения его при всей их возможной чистоте не ясны совершенно. С таким вот чистым взглядом вполне можно желать гибели и Кремлю, и кремлевским – если этот человек искренне выступает от лица враждебных Кремлю сил.

Или же его цель еще более проста и конкретна.

Убить князя.

Это не кажется безумством, если вспомнить, что именно ищет в Кремле этот парень. Главнокомандующего, как он выразился, или князя – не имеет значения, если его тайная цель – обезглавить Кремль. Способен ли на это тот, кто представился Вячеславом? Зигфрид взвесил в уме все, что успел увидеть и оценить в спутнике.

Тяжелый, острый взгляд. Немногословность. Бесстрашие. Редкое по нынешним временам гармоничное телосложение, которое не скрыть даже мешковатым комбинезоном. И заметное для опытного взгляда умение владеть своим телом. Этот парень несомненно хорошо натренирован. Для чего? Кого сейчас тренируют, кроме воинов и наемных убийц? Сразу же в памяти всплыли зловещие татуировки. Знаки тайного клана?

Проклятье, кого же он тащит за собой в Кремль?!

Зигфрид скрипнул зубами, покосился на спутника. Тот шел чуть позади и слева. Не стоит упускать его из виду – не ровен час, получишь в спину автоматную очередь. Автомат держит умело, собака, и двигается легко, свободно. Не кремлевский ратник, конечно, но и не рядовой бродяга-мародер.

Может, человек маркитантов? Не похоже, маркитантам не с руки наводить в Кремле смуту. Их принцип – и нашим, и вашим, им стабильность нужна.

Гадать тут бессмысленно. Нужно просто держать ухо остро, а у кремлевских ворот подать страже тайный знак, да сдать подозрительного чужака опричникам. Это уж дело Тайного Приказа – докапываться до глубин человеческой души, фактов и мотивов.

Хотя – зачем здесь опричники? Им не истина нужна, им нужно признание. Там какой хочешь оговор выбьют – хоть в том, что на княжью жизнь посягнул, хоть в том, что с небес сошел и принес всем смертным спасение.

А вот кто бы действительно мог помочь – это Книжник.

– Надо бы тебе с одним моим приятелем потолковать, – сказал Зигфрид. – С Книжником.

– Это еще зачем?

– Сдается, ты сам не знаешь, чего хочешь. Идешь вроде как в Кремль, а что там князь главный – не в курсе. Глядишь, Книжник подсказал бы чего.

– А этот твой приятель – на равных с князем, что ли?

– Нет. С чего бы?

– Так о чем мне с ним говорить? – в голосе Славы прозвучал вызов.

– Однако высоко взлететь хочешь! – усмехнулся Зигфрид. – Не боишься шлепнуться?

– Мне нечего бояться, – странным голосом сказал парень. – Но вам всем бояться стоит.

– Что ты имеешь в виду?

Вячеслав не ответил, и Зигфрид ощутил недоброе.

Однако солнце клонилось к закату, и глядя на шатающегося от усталости спутника, вест решил:

– Все, здесь заночуем.

Они стояли в тени полуразрушенной эстакады Третьего Транспортного. Не идеальное место для ночлега, но лучше, чем открытая местность или затхлый дворик, в каких любят прятаться хищники и растения-убийцы.

Словно услышав его мысли в руинах раздался вой – глухой и тоскливый, оборвавшийся низким утробным рычанием.

– Нет. Не будем останавливаться, дальше пойдем... – тяжело дыша, заплетающимся от усталости языком проговорил спутник.

– Куда с тобой таким идти, да еще ночью? Не ровен час, на засаду наткнемся или в какую ловушку влетим. Два часа на сон – не меньше. Я сказал!

Спутник ничего не ответил, лишь мрачно зыркнул в своей манере из-под надвинутого капюшона и стал молча устраиваться на ночлег. Конечно, громко сказано – устраиваться. Они просто уселись друг напротив друга: Слава – привалившись к куче пыльного мусора, Зигфрид – в обнимку с мечом, опершись спиной на бетонную колонну эстакады.

– Попытайся уснуть, – сказал он. – Через два часа разбужу – двинем дальше.

Глядя на засыпающего спутника, Зигфрид подумал: может, его подозрения – просто плод больной фантазии и вообще лишены оснований? Может, и так. Только есть одна поговорка: если не можешь подавить бунт – попробуй его возглавить. Пока он лично ведет этого парня – он его контролирует. Плюнуть и отпустить его нельзя, это равносильно потере контроля над непонятной ситуацией.

Впрочем, как и убить на месте. Потому что вместо этого могут послать другого. Если, конечно, его вообще кто-то посылал.

С такими мыслями Зигфрид и отключился.

У веста сон чуткий. Он и не спал толком – видимость одна. Просто закрыл глаза, заставив себя расслабиться. Искореженное Полем Смерти тело давно уже жило не по людским меркам. Но оставались привычки – немногое из того, что все еще позволяло ему считать себя человеком. Несколько минут тревожной полудремы – и организм снова готов к бою.

Только сейчас глаза открылись раньше времени – будто включился тревожный сигнал. И точно.

Спутник исчез. Сидел же только что напротив, точно так же дремал, посапывал. А теперь – его и след простыл. Ни вещмешка, ни автомата.

Обманул, подлец. И ведь так тихо ушел! Но почему?

Выяснил для себя путь к Кремлю и решил ускориться?

Или заподозрил что-то? Тогда сомнений нет: этот сученыш действительно что-то замыслил. В любом случае, догнать его и задать пару вопросов не помешает!

Зигфрид дернулся, чтобы подняться. И вдруг обнаружил, что правая рука прикована наручниками к железному пруту арматуры, торчащей из разлома в бетоне колонны. И не одной – двумя парами, для надежности.

Надо же! Откуда у него наручники, да еще в таком количестве? Из мародерского мешка, небось. Но как он умудрился подкрасться? Парень, однако, куда более прыткий, чем можно было подумать. И, похоже, только прикидывался уставшим.

Зигфрид потянулся к мечу – чтобы перерубить сцепку «браслетов».

Меча не было. Точнее, он был отброшен прямо в ножнах, метра на три в сторону, чтобы при любом раскладе не дотянуться. Надо признать, это было довольно подло со стороны того, кого он спас от верной смерти. Впрочем, сбежавший спутник драгоценный меч забирать не стал. А значит, сам он мародером не был по определению, и лишать спасителя хоть шанса на спасение тоже не стал.

– Ну, гад! – в голосе воина не было обиды – скорее даже сдержанное восхищение дерзкой выходкой нового знакомого. – Ты мне за это ответишь!

Дотянуться до меча не представлялось возможным, вскрыть замки – тоже, а потому вест сделал ставку на главное, что есть у каждого настоящего воина – на грубую физическую силу. Порвать две пары наручников, конечно, кишка тонка, но можно было попытаться вырвать из бетона ржавую арматуру. Упершись ногой в колонну, помогая свободной рукой, он потянул изо всех сил. Боль была адская, имелась реальная угроза порвать связки, но обошлось: железная палка подалась, изогнулась, осыпаясь ржавчиной, треснула. Зигфрид повалился в кучу мусора – ту самую, на которой ночевал беглец.

Потирая запястье, Зигфрид подобрал меч, скинул с него ножны – и чиркнул по «браслетам», рискуя задеть кожу. Тряхнул рукой – и наручники осыпались в пыль, оставив на запястье багровые следы.

Пора было разобраться с наглецом. Теперь у воина не оставалось сомнений: Вячеслав, если он, конечно, назвал настоящее имя, задумал недоброе. Иначе не стал бы устраивать этот цирк с побегом.

И что означали его слова «всем вам бояться надо»? Чего бояться? Может, это вовсе не фигура речи, а реальная угроза?!

Проклятье. Вот так и доверяй человеку, который ни с того ни с сего может оказаться вражьи лазутчиком, а может, вообще диверсантом. Врагов у Кремля всегда было больше, чем друзей. Что там говорить – он сам из враждебного Кремлю народа. Да только так уж судьба сложилась, что пришла большая беда, и лишь Кремль дал уцелевшим вестам кров и спасение. И кому, как не последнему воину спасенного народа добром отплатить спасителям?

Казалось бы, чем может навредить древней крепости один-единственный враг? Может – если сумеет обезглавить Кремль и погрузить его в безвластие и хаос. Известно ведь, что лишь князь скрепляет плотное и бурное кремлевское общество, ограничивая амбиции бояр и духовенства. А что будет, если какой-то бойкий враг доберется-таки до князя? Конечно, дружина у него мощная, и опричники, и телохранители – на десять шагов подойти не дадут. Но даже десяти шагов достаточно, чтобы свершилось непоправимое.

Ходят ведь по Москве истории про хомо-бомбу. На вид мужик-мужиком, да только все его тело, вся физиология изменены таким образом, что по сути он ходячий мешок с гексогеном. И сознание у него изменено ментальной установкой: «Иди и взорвись». И такой будет переть к намеченной цели, даже не осознавая, что делает. Сделать хомо-бомбу можно из каждого, те же шамы владеют знаниями и навыками внушения. И не важно, кто заказчик – мощный взрыв в нужном месте способен пошатнуть устои цивилизации, только начавшей возрождение после двухсотлетнего мрака.

А может, и того хуже, и парень этот – разносчик эпидемии, какого-нибудь вируса-убийцы. Уже не раз чума косила целые районы, и, поговаривают, не случайно. Бактериологического оружия на древних стратегических складах накоплено без меры, и не все оно пришло в негодность.

В любом случае нельзя позволить ему уйти. И уж тем более – добраться до Кремля.

Воин прикинул возможный маршрут беглеца, вспомнил недавние разговоры. Он ведь практически полностью изложил ему маршрут – по расстоянию и ориентирам, обозначил расположение ловушек и возможных засад. Не указал только схемы безопасного пересечения Садового Кольца. Но объяснил, где его дожидается Книжник, которому известен алгоритм перехода.

Зигфрид стукнул кулаком по бетонной колонне.

Вот это поворот! А что, если они встретятся? Что, если этот псих заставит Книжника перевести его через Садовое Кольцо, а потом грохнет, как свидетеля? Конечно, его, Зигфрида, он убивать не стал, но так и Книжник не спасал его от смерти! Кто может знать, что на уме у странного чужеземца?!

Об этом он думал, уже мчась сломя голову по ночным улицам. Опыт и острое, почти нечеловеческое зрение, конечно, помогают, но двигаться в темноте с такой скоростью чревато неприятностями: и опасности легко не учуять, и в Поле Смерти влететь запросто. Да и угрозы ночью непривычные, коварные – в это время такую тварь повстречать можно, какую днем за всю жизнь не увидишь. Но иначе этого шустрого не догнать. Перепрыгивая через россыпи разбитого кирпича, через трещины и провалы, он быстро продвигался на юг, в сторону Садового. По ходу движения пытался понять, как бы двигался на его месте человек, впервые оказавшийся на этих улицах. По всему выходило, что предсказать его путь невозможно. Единственное, что известно чужеземцу – что Кремль где-то на юге отсюда. С севера он пришел, что ли? Что там, на севере, кроме Чашобы да мрачной Гробницы, что на Ярославском шоссе?

Да все что угодно. Ничего они толком не знают о своем мире, сжавшемся до пределов МКАД. Да и этот мир мешают познавать бесчисленные враги, хищники, ловушки и собственная дремучесть.

Вскоре должно показаться Садовое Кольцо, смертельное наследие Последней Войны. С наскока его не одолеешь, а попытаешься – считай, тебе крышка. Когда-то здесь проходил Последний Рубеж обороны кремлевских. Дрались здесь яростно, отбивая волну за волной атаки боевых биороботов. Но даже лишившись последних защитников, Последний Рубеж не перестал быть серьезной преградой. Многие считали, что Кольцо заговорено от врагов. В подземельях обитала целая секта, поклонявшаяся московским Кольцам – от Садового до МКАДа. Но дело было, конечно, не в мистике. В глубине под Кольцом прятались мощные

системы электронного противодействия, энергетические барьеры и прочая машинерия, не имеющая механических частей и почти не подверженная износу. Питаемый, видимо, ядерными источниками, энергии, Последний Рубеж продолжал свою войну. Впрочем, уже не настолько успешно. В Кольце давно появились бреши, большую часть которых контролировали маркитанты. За приличную цену можно договориться о переходе. Это дает барыгам стабильный и немалый доход. Впрочем, имеются и тайные тропки, одну из которых отыскал Книжник.

Сам он по договоренности должен ждать его в укрытии у перехода. Правда, Зигфрид должен был вернуться не ранее, чем завтра. Так что нет никаких гарантий, что приятель не шарит сейчас по подземельям Кольца в поисках древних артефактов. В последнее время он стал куда увереннее чувствовать себя в роли разведчика.

Уроки Зигфрида не прошли даром.

Воин остановился, коротко огляделся. Вот он, ориентир: ржавая ферма ретранслятора сотовой связи над торчащей на фоне неба одинокой стеной – все это в мягком лунном свете. Странное дело – еще в Последнюю Войну дом разнесло в щепень прямым попаданием тяжелого боеприпаса. А этот кусок на углу высотой в десять этажей – остался. Сквозные глазницы окон только подчеркивали видимую хрупкость конструкции, как и нелепая, покосившаяся железная ферма наверху. Мимо этого ориентира беглец никак не пройдет, это единственное, за что здесь можно уцепиться взглядом – так вест ему и сказал. То ли по доверчивости сказал, то ли интуиция подсказала – бросить подозрительному спутнику яркую приманку.

Осталось проверить задуманное. Если, конечно, ему удалось обогнать чужеземца на ночных улицах.

Замерев за одинокой стеной, Зигфрид стал ждать.

Прошло не меньше трех часов. Можно было решить, что путник заплутал на незнакомых улицах или вообще сгинул. Вариантов тут много: достаточно неосторожно прислониться к стене, увитой хищной лианой, или просто наткнуться на группу охотников-нео. Копье в горло – и все разговоры, даже шуму не будет. Однако для очистки совести стоило подождать до рассвета, потом встретиться с Книжником в «точке randevu» – а там по обстоятельствам.

Дождаться рассвета не пришлось. Слух уловил движение. Кто-то тихо пробирался вдоль стен, почти незаметно – но вполне достаточно для тонкого слуха Зигфрида. Вскоре показалась и тень.

Неплохо для чужака. Но ссориться с вестом ему не стоило.

Тихо покинув укрытие, Зигфрид слился с тенью полуразрушенного дома. Искусство хамелеона – умение мимикрировать, сливаться с фоном прямо на глазах у противника. Фигура в черном комбинезоне двигалась прямо на него, в упор не замечая угрозы. Когда фигура вдруг сбавила темп, напряглась и приготовилась броситься в сторону – было уже поздно.

Зигфрид отделился от стены и выскользнул из тени. В следующую секунду он прыгнувшим зверем сбил противника с ног. Сцепившись, они покатались по разбитому асфальту. В этот момент Зигфрид понял, что недооценил противника. Тот не был однозначно сильнее, но в контактной драке показал необычное преимущество: сделав цепкий захват, начинал постепенно сжимать противника, как удав, удушающий жертву. Тело пронзило болью, затрещали кости. Это была незнакомая техника, и Зигфрид не сразу понял, что ей противопоставить. Главное, что он решил с самого начала – не использовать оружие. Он не хотел убивать странного парня, не выяснив до конца всю правду о нем. Да и противник умирать не стремился – скорее он отправил бы на тот свет своего недавнего спасителя. Есть такие моменты, когда не до лирики. С большим трудом Зигфриду удалось вырваться из смертельной хватки,

драка превратилась в густой «замес» кулаками и ногами. Нельзя сказать, что кулачный бой был у веста в фаворе. С детства его приучили к простой истине: все решает клинок. Какой бы ты ни был лихой драчун – меч всех уравнивает. Но если прижмет, можно и подраться.

На стороне чужака были необычайная гибкость и ловкость. За Зигфрида был опыт. Да и силой боги вестов не обделили своего любимого сына.

– Н-на!

Поймав скулой носок чужого «берца», воин отлетел к стене. И едва увернулся от удара теперь уже обеими ногами, в прыжке. Совершенно дикий, непривычный стиль. Красиво, но слишком сложно. И совершенно бесполезно против тяжелого, как молот, кулака в металлизированной перчатке.

– Держи!

– Хо...

Налетев грудной клеткой на кулак, парень попятился, осел на асфальт, глотая ртом воздух.

– Ну что, добежался? – беззлобно поинтересовался Зигфрид, подходя ближе. Протянул руку. – Вставай, поговорить надо.

Поглядев волком на веста, Слава ухватился за протянутую руку – и резко дернул на себя. Зигфрид ожидал подвоха, но устоять не смог. Они сцепились снова, и теперь уже не было шанса договориться. Зигфрид сдавливал упряму горло, тот же норовил открутить весту голову. Хрипя от напряжения, они встретились взглядами. И в них уже не было ничего, кроме ненависти.

– А ну, хватит! – новый голос ворвался в мешанину злобных звуков. – Черт, Зиг,пусти его, я не могу прицелиться!

– Не надо! – прорычал воин. – Я сам!

Глухой удар – и хватка чужеземца ослабла. Зигфрид с трудом заставил себя разжать пальцы, стремившиеся переломить гортань противника. Это не имело смысла – тот рухнул без сознания от удара в темя прикладом арбалета.

Над местом схватки черным силуэтом на фоне луны возвышался человек со взведенным арбалетом в руках. Зигфрид через силу улыбнулся, вяло махнул рукой:

– Ты как всегда вовремя!

Человек встал на одно колено, склонился над чужаком.

– Надо ему помочь. Я-то со всей дури ему по башке врезал, – виновато произнес тот же молодой голос. – Надеюсь, сотрясения нет. Сейчас аптечку достану...

Надо же, даже не выяснил, кого по башке треснул, а уже совестью мучается, гуманист доморощенный. И как он только выживает в этом злобном городе – непонятно.

Вот в этом он весь – Книжник.

Глава 2

Ветер с юга

Допрос удобнее всего производить в глухом замкнутом пространстве. И сбежать некуда, и воплей никто не услышит. А шум здесь, вдали от дома, без надежного прикрытия и хорошей огневой мощи, совсем ни к чему. Поэтому казематы Последнего Рубежа подходили, как нельзя лучше. Правда, у Книжника и в мыслях не было устраивать в этих местах камеру для допросов с пристрастием – он искал здесь старые архивы, – но его другу ужасно захотелось разговорить своего нового знакомого.

Вячеслав говорить отказывался. Просто сжал зубы, замкнулся – хоть клещами слова из него тащи. И, похоже, Зигфрида это не останавливало – он понадежнее стягивал на нем веревку из запасов семинариста, и взгляд его не сулил пленнику ничего хорошего.

Семинарист никак не мог понять, что же случилось между странным парнем и Зигом. Незнакомец не был похож на бродягу, мародера или еще какого мерзавца из здешних развалин. Он вообще выглядел непривычно. Этот загар, наколки на руках странные. Совершенно неуместные в этих местах наколки – сплошь малопонятная морская тема. Дело даже не в том, что всяких осьминогов с акулами в московских руинах не встретишь, а в том, что о самом существовании таких монстров давным-давно позабыли, как забыли о каком-то там море. Знают хоть что-то лишь немногие – те, кто имеет доступ к старинным книгам, выцветшим фотографиям да рисункам. Отсюда простой вывод: этот малый, возможно, имеет доступ к неким хранилищам данных, изображений, возможно, музейной редкости, а может, и к ценным архивам.

Был, конечно, и другой вариант, правда, куда более фантастический: парень действительно с побережья одного из бесконечно далеких морей. Но как он здесь оказался?

Все это и собирался выяснить Зигфрид.

Небольшая каморка с массивной железной дверью рядом с обширным бомбоубежищем. Каменный, а точнее, бетонный мешок, в котором, судя по длинным стеллажам, когда-то располагалась оружейная комната. Двое порядком измотанных людей и еще более потрепанный пленник в углу. И повисшее в воздухе напряжение вперемешку с растерянностью.

– Ведь ты не будешь его бить, Зиг? – осторожно спросил Книжник.

– Не хотелось бы, – процедил воин, невольно касаясь щеки. Там алел свежий рубец, след недавней схватки. – Так он же молчит, собака, слова из него не вытащишь.

– Но что тебе так хочется узнать?

– Не понимаешь? – Зигфрид недобро усмехнулся. – А ведь это не я, это ты кремлевский. Неужто тебе неинтересно знать, на черта он в Кремль пробирается? А главное – почему темнит?

Книжник пожал плечами, обратился к пленнику:

– Слушай, как там тебя, Слава... Да скажи ты ему хоть что-то! Не хочешь ему – мне скажи. Я княжий советник, если хочешь знать. Карты составляю, ресурсы ищу, старые архивы. У меня и документ есть...

Книжник покопался вещмешке, вытащил туго свернутый берестяной ярлык, в котором значились его полномочия. Документ произвел на пленника некоторое впечатление, особенно тяжелая сургучная печать в углу. Он зашевелился, принялся читать, невольно шевеля губами. Но глядеть он продолжал недоверчиво, и так и не произнес ни слова.

– Сомневаешься? – продолжил Книжник. – Сам прикинь, когда бы я успел его подделывать, да еще только для того, чтобы тебя впечатлить.

– Зря ты его убеждаешь, – потирая кулак, произнес Зигфрид. – Кто ты ему? Подумаешь – советник. Он же себе в голову вбил, что только с самим князем на равных говорить может. С главнокомандующим, видите ли.

– Как ты сказал?

– Главнокомандующий ему нужен. Он даже про князя кремлевского впервые от меня услышал.

– Вот как... Очень интересно.

Книжник задумался, продолжая разглядывать насупленного пленника. В памяти всплывали обрывки прочитанных книг, старых газет, материалы из кремлевских библиотек. Конечно, вест мог и не знать долгой истории этого города и его единственного уцелевшего после Последней Войны островка – Кремля. Ему и не положено – он потомок врага, лишь недавно покинувший Бункер, сооруженный на месте бывшего американского посольства. Но откуда информация у этого чужеземца?

– Понимаешь, Зиг, – задумчиво проговорил Книжник. – Когда-то в Кремле действительно находился главнокомандующий.

– Чем он у вас там командовал?

– Всем. Обороной страны, Москвы, Последнего Рубежа, Кремля, в конце концов. Но Война закончилась, да и войск как таковых не осталось. Должность стала формальной, а потом все вообще кувыркком закрутилось и поменялось до неузнаваемости. Кремль – он ведь не держава, он сам по себе вроде как небольшое княжество. И контролирует лишь часть территории Москвы. Во всяком случае, пока. Так что про главкома забыли давно. Зато избрали князя. Но и полномочия, и функции у него совсем другие.

– И с каких пор в Кремле нет должности главнокомандующего?

– Да с тех самых. Двести лет уже.

Разговор шел между Зигфридом и Книжником, но на связанного Вячеслава тоже произвел впечатление. Взгляд у него несколько прояснился, ушла угрюмая ненависть, уступив место хмурому любопытству.

Книжник перевел взгляд на пленника, чтобы выяснить, понял ли тот сказанное. Взгляд скользнул на прореху в разодранном в драке рукаве комбинезона. На загорелом плече, среди прочих художеств выделялась татуировка, изображавшая что-то смутно знакомое. Не абстрактные морские монстры, а нечто строгое, тщательно прорисованное, выбивающееся из общего сюрреалистического стиля. Присмотревшись, Книжник разглядел в татуировке необычного вида колонну, установленную на выступающей из волн скале. А на вершине колонны – орла с распростертыми крыльями, с венком и якорем в клюве.

Что-то в этом изображении поразило Книжника. Настолько, что на несколько секунд он «завис», пытаясь вспомнить, где уже видел подобное. В том, что видит нечто знакомое, он даже не сомневался.

– Эй, ты чего? – Зигфрид толкнул друга локтем. – С тобой все нормально?

– Памятник... – проговорил Книжник.

– Что за памятник? – не понял вест.

– Памятник затонувшим кораблям. Севастополь. Верно?

Последнее было обращено к пленнику. Тот изумленно глядел в ответ, будто Книжник залез в его тайные мысли.

– Откуда ты знаешь? – проговорил Слава.

Зигфрид с интересом наблюдал за ним. Пленник заговорил – и это главное.

– Знаю, – семинарист пожал плечами. – Читал когда-то.

– Но все давно забыли про это... Где ты мог прочесть?

– Книги! Слышал такое слово? В Кремле, слава богу, сохранились библиотеки. Я знаю, что была первая оборона Севастополя, затем вторая...

– А третья?

Книжник непонимающе поглядел на Славу. Тот невесело усмехнулся:

– Про третью, выходит, не знаешь.

Книжник пожал плечами:

– Так то небось в Последнюю Войну было?

Слава не ответил, и семинарист продолжил:

– Так откуда ж нам знать? Мы и собственную историю только-только узнавать начинаем...

– Собственную? А наша история для вас что же, чужая? – со странной интонацией произнес Вячеслав.

Книжник сначала не понял, что он имеет в виду. Но когда поглядел в его странные светлые глаза, до него дошло. И это понимание стало открытием для него самого – и открытием не слишком приятным.

Вот он, один из самых образованных людей Кремля, едва не получивший высший сан Хранителя Памяти. Он всегда был уверен, что живет во благо людей, что пытается докопаться до правды, отыскать и сохранить забытые знания. И все – ради своих, ради кремлевских.

Но он совсем забыл, что Кремль – всего лишь вершина гигантского айсберга, центр огромной, великой страны, о которой уже начали забывать те, кто плоть от плоти ее, ее дети. Что история каждого уголка этой скрывшейся во мраке страны – это и есть его собственная история. Что легенда с именем Севастополь – это его, его личная легенда. А вот, выходит, и не легенда вовсе, а явь, пытающаяся пробиться в его жизнь.

– Значит, ты оттуда! – севшим голосом произнес Книжник. Сделал шаг вперед, желая получше разглядеть человека, словно явившегося на землю из древнего мифа. – С ума сойти...

Слава не ответил. Он ждал продолжения.

– Я так и не понял, – вмешался Зигфрид. – «Оттуда» – это, вообще, где находится?

– Далеко, – глухо сказал Книжник. – На юге.

– На юге? Я думал, он с севера. Он с северной стороны в город вошел.

– Это так далеко, что уже не важно, с какой стороны он в город вошел. Я даже не представляю, как он сюда добрался.

– Выходит, нужно, раз добрался, – прищурился воин. – Глупо проделать такой путь зря, верно?

– А ты мне не угрожай! – снова оскалился Слава. – Беда всем грозит, и ты не исключение!

– Так какого же черта ты из себя партизана строишь?! – крикнул Зигфрид. – Ты или дело говори, или вообще заткни плотку!

Пленник и вест напряглись, готовые разрядиться новой порцией взаимных угроз и оскорблений. Разговор снова грозил перейти в ссору.

– Стойте! – вмешался Книжник. – Мы же на одной стороне, чего мы грыземся?

– Я не знаю, на чьей вы стороне! – огрызнулся Слава.

Книжник прикусил губу, пытаясь сообразить, как перевести разговор в нужное русло. И сказал:

– Развяжи его, Зигфрид!

Лицо веста пошло красными пятнами. Понятно, о чем он подумал: как смеет этот мозгляк, этот книжный червь затыкать рот потомственному воину! Но бешенство длилось секунды. Кратко обменявшись взглядами, каждый понял свою роль в безмолвно предложенной Книжником игре.

«Хороший и плохой полицейский» – древний как мир прием, позволяющий расположить к себе прижатого к стенке допрашиваемого.

А потому Зигфрид молча выдернул из ножен кинжал. Только на этот раз не стал лихо испарывать все путы, а аккуратно надрезал узел и принялся сдергивать веревку с Вячеслава и наматывать себе на руку. Кто его знает, может еще пригодится.

Освободив пленника, отсел чуть в сторону, недвусмысленно положив на колени меч в ножнах.

– Вот, теперь поговорим спокойно, – примирительно сказал семинарист. Натужно улыбнулся вновь освобожденному. Тот проигнорировал улыбку, лишь растирал затекшие руки, да смотрел зверем.

– Так, так, – произнес Книжник. Хмыкнул, покачал головой. – Севастополь... Прямо как в сказке.

– Какие еще сказки?

– Ну как же... Море, чайки, корабли. Мы этого отродясь не видели.

– Мы тоже, – странным голосом сказал Слава. – А теперь и подавно не увидим.

Книжник не понял, что имел в виду неразговорчивый собеседник. Просто кашлянул в кулак и скосился на Зигфрида. Сложив на груди руки, тот неподвижно следил за разговором.

– Ладно, – сказал Книжник. – Давай по существу. В общем, придешь ты в Кремль. Допустим, даже до князя дойдешь, в чем я сомневаюсь. А с чего ты взял, что князь наш заменит тебе того, кого ты ищешь? Я про главкома говорю. Князь наш – фигура видная, да только вряд ли он владеет секретами Последней Войны. Может, ты не в курсе, но последние лет полтора нам было не до этого. Мы под землей сидели, все, что нас интересовало, – это выжить и сохранить остатки знаний. Этот не тот Кремль, что был тогда. Он сильный, славный – но другой. Понимаешь?

На лице молчуна появилась растерянность. Похоже, он просто не задавал себе таких вопросов. Это хорошо, значит, Книжник в точку попал. Надо в эту самую точку и дальше долбить, пока у собеседника не наступит, наконец, отрезвление.

– Что же вы спохватились только теперь? Через пару-то сотен лет? Мы ведь все время ждали, и сейчас ждем, чтобы хоть кто-то объявился – но никто не приходит. Мы радиоэфир, как граблями, процеживаем – но нет никого, понимаешь? Одни помехи. Пусто.

Слава помолчал. Затем произнес через силу:

– А откуда нам было знать, что к вам никто из наших не приходит? За все это время ни один ушедший от нас к вам, в Москву, назад так и не вернулся. Думали, они у вас остались...

Книжник прикусил губу. Вот, значит, как. Он не первый, выходит, из тех краев. Да уж, дойти до Москвы – само по себе, наверное, подвиг. А уж продрасть через город-убийцу в самое его сердце – испытание не для каждого.

– Да уж, – сказал Книжник. – Не слышал я, чтобы кто-то с Юга в Кремль приходил. До недавнего времени мы вообще считали, что людей за МКАДом не осталось.

– Выходит, остались! – с вызовом бросил Слава.

– Выходит, что так... – Книжник задумался, разглядывая этого парня.

Он был ненамного старше, но куда жестче, сильнее. И главное – он был из таких мест, что рождали в сердце и памяти взрывы ассоциаций. Много можно отдать, чтобы побывать там. И такого человека заполучить в союзники – дорогого стоит. Тут уж стоит включить всю силу своего убеждения.

– Послушай, друг... – семинарист попытался вложить в слова всю искренность, на какую был способен, и тут же сбился, испугавшись, что его речь может показаться фальшивой. – Я просто хочу, чтобы ты нас правильно понял. Зигфрид сцепился с тобой не потому, что ему что-то от тебя нужно. Он ведь вроде как спас тебя, верно? Ладно, это не важно... Важно то, что нас интересует только благо нашей маленькой родины. Наверное, как и тебя

– твоей. Ты вот от друга моего убегал, спешил, видать, очень. Значит, хочешь побыстрее получить результат. Так?

Вячеслав хмуро ждал продолжения.

– Так! – уже увереннее сказал семинарист. – Теперь смотри, какой расклад. От Садового Кольца до Кремля в лучшем случае – пару дней ходу. Не потому что так далеко, а потому что быстрее не пройдешь – сгинешь. Даже если уложишься в это время – что вряд ли – и доберешься до Кремля, не думай, что тебя там с хлебом-солью ждут. Первым делом отправишься ты в Тайный Приказ, где опричники уже не станут с тобой деликатничать, как мы сейчас, а станут тупо выбивать информацию. Я знаю, что говорю – сам через это прошел. И тут уж никаких гарантий – сколько тебя в канцеляриях да камерах продержат. Может, дня три, может, месяц, а может, ты и вовсе там сгинеешь без следа. Почему? Да потому что таких скрытных они не любят, и чем больше ты будешь упорствовать и требовать встречи с князем, тем меньше у тебя шансов выбраться целым и невредимым. Понимаешь?

Слава молчал, и лицо его словно окаменело. Но слушал он более чем внимательно.

– Но допустим, случилось чудо, и через трое суток тебя решили показать-таки князю лично. Не менее дня ты будешь дожидаться аудиенции – у князя и без тебя работы полно.

– Но у меня важное сообщение... – тихо проговорил Слава. – Это жизненно важно. Для всех...

Вот это и называется «клиент поплыл». Пора его и на стол подавать – тепленьким. Зигфрид в своем углу едва заметно кивнул с одобрением: «Так, мол, держать! Моя школа!»

– Но ведь ты не желаешь сообщить это тем, кому важно – то есть всем нам! – Книжник скорбно развел руками. – Стало быть, будет так, как я говорю. Допустим, князь тебя выслушал, допустим, даже понял, чего ты от него хочешь. Допустим, он даже принял решение в твою пользу, что, вообще-то, не делается в один день, да еще без одобрения Боярской Думой... И вот ты идешь назад, сюда, снова доходишь до Садового Кольца, потратив на все это хождение дней десять. Понимаешь? Десять дней, чтобы оказаться в той же точке, где мы сейчас. И никаких гарантий, что получишь нужный результат. Не говоря уж о том, что, скорее всего, просто сгинеешь в пути...

– Хватит! – оборвал его Слава. Сверкнул глазами. – Хорошо, я расскажу вам все! Посмотрим, станет ли вам от этого легче.

Книжник хотел было победно подмигнуть Зигфриду. Но понял, что это совершенно неуместно. Он уже чувствовал, что откровения гостя из далеких земель принесут новые тревоги.

Слава поднялся, разминая запястья, и Зигфрид поднялся вместе с ним. Но парень не собирался делать резких движений – он был сосредоточен, погружен в свои мрачные мысли. Он хмурился, соображая с чего начать. И, наконец, заговорил, поначалу сбивчиво, с трудом подбирая слова:

– Вы не подумайте только, что я струсил. Мол, прижали к стенке – я и разоткровенничался.

– Мы так и не думаем... – осторожно сказал Книжник.

Но Слава его не слушал. Он был погружен в собственные мысли, и рассказ шел словно независимо от воли говорившего:

– Просто вы правы – времени у меня нет совсем. Не то что десяти дней – даже дня лишнего не осталось. Ну и по поводу главкома... Я и сам не верил, что смогу найти его. Я выполняю волю отца. Он отправил меня, чтобы я сообщил о случившемся. Главнокомандующий должен узнать меня по этому предмету...

Он достал из-за пазухи висевший на плотной цепочке ключ. Необычный такой ключ, хоть и простоватый на вид – тусклое и массивное металлическое кольцо с торчащим из него штырем круглого сечения. Спрятав ключ обратно, Слава продолжил.

– Я и сам не верил, что найду главкома. Кремль слишком далеко от нас, шансов дойти почти не было. Нас было трое, и нам удалось добраться до МКАДа – а тут эти бандиты... – он помолчал, стиснув зубы. – Когда убили Малого и Шуру, я потерял надежду. Этот человек, – он кивнул на Зигфрида, – спас меня. Но я не верил, что он доведет меня до Кремля. У меня просто кончилось терпение и сдали нервы. Как у бабы, ей-богу. А теперь... Теперь я просто не знаю, что делать и кому отдать этот ключ.

– Отчего этот ключ?

– Я не знаю. Да это и не важно. Это всего лишь знак, по которому меня мог узнать главком. Но раз его нет...

Слава покачал головой и замолк. Сделал несколько шагов взад-вперед, добавил глухо:

– Мне приходится вам верить на слово – просто потому, что у меня не осталось времени на сомнения...

– Но у тебя есть время поделиться с нами твоей бедой, – тихо сказал Книжник. – Зигфрид спас тебя первым, в другой раз уже я помешал ему прикончить тебя сгоряча. Неужели ты думаешь, что у нас есть замысел как-то подставить тебя?

Слава покачал головой. Сказал:

– Я так не думаю. И потому расскажу все с самого начала...

– погоди, – неожиданно сказал Зигфрид. – Что языком чесать на голодный желудок? Ник, остались у тебя припасы? И костер развести надо – погреться да успокоиться.

Зигфрид, как всегда, оказался прав. Небольшой костер в мрачном подземном каземате и впрямь действовал умиротворяюще. Прошли взаимные злость и обида, прояснилось в головах. А может, благотворно подействовал скромный ужин – только все успокоились, притихли, подошло время для душевного разговора. По крайней мере, именно так думал Книжник, подкидывая в огонь ветки и сучья, что предусмотрительно загодя натаскал с поверхности. Укрытие здесь неплохое, спокойное, коридоры глухие, запечатанные со всех сторон давними обвалами. Это важно – чтобы никакая подземная тварь не подкралась. Правда, ничто не может гарантировать защиты от стальных сколопендр, потолочников, руконогов, да и самой опасной твари – злобного человека. Потому даже в надежном укрытии под рукой всегда еще более надежный арбалет да ворох острых стилосов, обильно смазанных ядом – это для совсем уж крайнего случая.

Ели сухие лепешки и разогретое на огне мясо из кремлевских припасов. В пути, конечно, приходилось всякое пробовать, но по возможности хотелось бы что-то проверенное. И без того никогда не знаешь, где отравы какой проглотить, а где радиации тяпнешь. Потому каждую трапезу семинарист привык сопровождать таблеткой собственного изготовления – универсальным абсорбентом и антисептиком, особенно необходимым при употреблении воды из незнакомых источников. Откуда только не пили за время многочисленных вылазок – вспоминать страшно.

Слава ел по-звериному, жадно, глотая не прожеванные куски. Сразу становилось понятно, насколько он голоден. Впрочем, он быстро взял себя в руки и отказался от предложенной семинаристом добавки. И то верно, пережор с голодухи чреват печальными последствиями.

– Держи! – Зигфрид протянул Вячеславу мятую плоскую фляжку с полустертым изображением охотничьей сцены.

– Что это?

– Мы так и не выпили за знакомство. Думаю, в самый раз.

Слава принял фляжку, задумчиво поглядел на нее, отхлебнул. Закашлялся – видать, не ожидал такой крепости. Зигфрид рассмеялся, забрал фляжку и тоже сделал глоток. Предложил Книжнику. Тот не имел привычки к алкоголю и приложился чисто символически, чтобы

поддержать традицию. Жидкость имела на удивление приятный запах и едко испарялась на языке.

Слегка ословев не столько от непривычного напитка, сколько от сытости, Вячеслав продолжил свой рассказ.

– Ты, браток, верно подметил: я севастопольский. Точнее, из Балаклавы я, что рядом, но не совсем одно и то же. Там, как и здесь, все поделено, и на каждой территории свой хозяин. А у нас и климат потеплее будет, и народ активнее, злее, никто своего не упустит. Сам я из клана морских охотников, мы морем живем – тем, что оно на берег срыгнет, или что у него когтями вырвешь. Ты вот давеча про волны, про корабли, про чаек вспоминал – нет этого, давно уже нет. Море и не море давно, а вроде как чан с ведьминым варевом. Умные люди говорят, мутировало море, вместе с водой и со всей живностью. Вроде огромного Поля Смерти. Одно такое большое жидкое Поле Смерти.

Страшное оно, море. Но оно и кормит нас. Оружие, материалы, концентрированные припасы, прочие грузы с затопленных кораблей, «транспортов» – на дне этого не счесть, тем и живем. Конечно, выходить в открытое море на маломерных посудинах мало кто решается – наверняка погибнут, эта жижа лодки проедает насквозь.

Но есть среди нас те, кому эта напасть не так страшна. Мой род – особый. Некоторые говорят, колдуны мы или шаманы какие. Но скорее всего, это просто мутация. Район-то наш облаком ядерного взрыва накрыло когда-то. В общем, мужики в нашем роду – потомственные «дайверы». Мы можем дыхание задерживать минут на тридцать, не боимся давления, но главное – тела наши менее чувствительны к злой воде. Море принимает нас, а мы к нему – с почтением. Так и вытягиваем кое-какое добро из пучины. Правда, наши способности не всем нравятся, кого-то пугают, а кое-кого просто бесят. Знаете, как ненавидят тех, кто не похож на других?

– Знаю, – не выдержал Книжник.

– Ну вот. Но я вообще не об этом. У нашего рода есть тайный ритуал. Отец считал это не просто ритуалом, а особой миссией нашего рода, которую мы несем через поколения. Смысл ее давно уже никто не помнит, но ритуал соблюдается неукоснительно уже второе столетие, и еще ни разу не был нарушен.

Слава запнулся, будто сболтнул лишнее, помолчал немного и заставил себя продолжить:

– Суть ритуала в следующем: в тайной пещере, под Севастопольскими укреплениями каждый день в одно и то же время кто-то из моего рода давит на кнопку.

– Что? – Книжник вздрогнул. Ему показалось, что он ослышался.

– Кнопку нажимает. Одну и ту же – на большом железном пульте. Изо дня в день, из года в год.

– Но зачем?

– Повторяю: мы давно уже не помним – зачем. Но твердо знаем – это необходимо. Просто потому, что нарушение этого правила неизбежно приведет к страшному.

– К чему же?

– К концу света.

В каземате повисла зловещая тишина. Зигфрид выглядел таким же невозмутимым. Книжнику же казалось, что он бредит. Вячеслав медленно повторил, чтобы присутствующие как следует прочувствовали услышанное:

– Конец света. Гибель всего живого. На всей планете. Мы не знаем, как это произойдет, но уверены: если нарушить ритуал – последствия будут неизбежны.

Слава поглядел на слушателей – хорошо ли его поняли. Продолжил:

– В пещеру мы добирались через систему подземных коммуникаций, вроде вот этой, – Слава обвел рукой пространство вокруг себя. – У нас там целый лабиринт ходов и туннелей

– они соединяют береговые батареи, форты, базу подводных лодок и древний укрепрайон, где обитает наш род. Но недавно случилась большая свара за передел территорий, и враждебный нам клан захватил базу подводных лодок, что в Балаклаве. База вообще-то никогда не была нашей территорией, но через нее проходит подземный ход в Священную пещеру. Во время всей этой заварухи со стрельбой и поножовщиной взорвали несколько мощных боеприпасов. В общем, завалило туннель, – Слава скрипнул зубами. – Там и отца привалило. Он успел вернуться домой, но на следующий день умер. С этого момента нам не добраться до Священной пещеры и до пульта.

– Что-то никакого конца света не наблюдается, – скептически заметил Зигфрид. – Как-то не складывается твоя история.

– Все складывается, – спокойно возразил Вячеслав. – Там, по ту сторону завала, остался мой брат. Он будет нажимать на кнопку, пока его не освободят. Он не покинет пещеру – теперь оттуда нет выхода. И никто из наших не может прийти на помощь – нас слишком мало, чтобы одолеть кочевников, захвативших базу. Вода там есть – капает с потолка потихоньку. Но без пищи он не продержится больше двадцати дней. Половина срока уже прошла. Когда у него не останется сил, чтобы исполнить свой долг, тогда...

Наступила тишина. Слишком странная история для того, чтобы с ходу поверить в нее.

– Но почему ты отправился в Кремль? – спросил Книжник. – Разве ты не мог найти помощь ближе?

– Отец перед смертью запретил раскрывать нашу тайну кому-то кроме главкома. Поймите, какие-нибудь бродяги, бандиты и отморозки легко все разрушат – не по злой воле, так по незнанию. А не разрушат содержимое пещеры, так могут нарушить ход ритуала – конец в любом случае один. Отец считал, что помощи можно ждать только от посвященного в нашу тайну. По преданию – это главнокомандующий, место которого – Кремль. Перед смертью он назначил меня посланником и дал ключ, который я должен предъявить главкому. А теперь... Теперь я даже не знаю, что делать.

Книжник внимательно изучал нового знакомого. Тот не был похож, лжеца и уж тем более – на легковверного дурачка. Это был сильный, уверенный в себе боец, видевший такие мрачные бездны, о каких здесь даже представления не имели. Да, он верил во все, о чем говорил, и верил всем сердцем. Семинаристу тоже захотелось поверить этому человеку. Но еще больше – увидеть тот далекий край, откуда пришел посланник. Легендарный, овеянный славой, пронизанный сакральным смыслом край, связанный с Кремлем невидимыми нитями. Ведь Слава отправился за помощью именно сюда – а значит, эта древняя связь не была прервана. И было бы подло прервать ее теперь.

– Надо ему помочь, Зигфрид, – тихо сказал Книжник. – Даже, если в его словах только часть правды...

– Я не верю во все это, – заявил Зигфрид. – Какой-то ритуал, какой-то конец света. Бред. Пляски дикарей.

– У твоего народа тоже довольно странные ритуалы, – возразил Книжник. – В Кремле – свои обычаи. Это не значит, что они лишены смысла.

– Может, ты прав, – нехотя признал Зигфрид. – Но все равно...

– Да чем вы мне можете помочь? – угрюмо спросил Слава. – Мне сила нужна – чтобы пробиться с боем на Базу, чтоб завал разобрать. Да, в конце концов, чтобы добраться живыми до Полуострова. Что вы вдвоем сможете сделать?

– А ты рассчитывал, что князь тебе дружину выделит? – Зигфрид приподнял бровь. – Ратников к Садовому Кольцу с трудом отпускают – у Кремля и без того забот хватает. А тут какая-то мифическая кнопка.

– Я шел в Кремль потому, что у меня нет выбора. Если вы считаете, что до нас нет никому дела...

– Погоди-погоди! – остановил его Книжник. – Кто сказал, что нам нет до вас дела? Кремлю нужны союзники, у нас их слишком мало. Кругом – тьма врагов, мы живем в кольце ненависти, не зная, когда ждать нового удара. С другой стороны, князь и вправду не сможет выделить ратников для такого сомнительного дела. Так или иначе, ты потеряешь драгоценное время.

– И что же делать? – Слава не ждал ответа. Он опустил голову и стал похож на собственную тень.

– Для начала – понять, с чем мы имеем дело, – Книжник почесал в затылке, поглядел на Зигфрида. Тот с надменным видом сложил на груди руки, показывая своим видом, что происходящее ему не особо интересно. – Я так понимаю, что ритуал вашего рода идет со времен Последней Войны?

– Так и есть.

– Нужно выяснить суть этой миссии. Тогда мы сможем попытаться найти осознанное решение.

– И кто же может знать эту суть? – Слава недоверчиво пожал плечами. – Если даже мы, наши отцы и деды не знали?

– Знать могут те, для кого Последняя Война – открытая книга. Кто жил войной и создан для этой войны.

– Кто же это?

– Кио, – сказал вест.

– Кто? – Слава непонимающе поглядел на Книжника.

– Кибернетические организмы, – пояснил тот. – Искусственные солдаты, сконструированные в военных лабораториях. Наши их создавали в противовес биороботам противника.

– Что-то не особо успешно, – сказал Слава.

– Я бы так не сказал. То, что мы сейчас здесь с тобой разговариваем – в том числе и их заслуга. Но дело не в этом. А в том, что у кио – неограниченная машинная память. С ними-то потрещать стоит.

– Дело говоришь, – неожиданно согласился Зигфрид. – Тем более, далеко ходить не надо. Я же Кронуса не так давно встретил. Говорит, на Воробьевых горах обосновался.

– Да? – оживился Книжник. – А что же он к своим, на Железное Кладбище не отправился?

– Понятия не имею. Но, похоже, там у него какие-то старые счеты, не тянет его к своим.

– С другой стороны, Воробьевы горы – они же как раз напротив Железного Кладбища. Разве что через реку.

– Ну ты же знаешь, через реку – это дальше, чем через весь город.

– Тоже верно. Река – понадежней любой стены будет. Думаешь, Кронус замыслил чего против своих же?

– Да мне как-то все равно, что он там себе думает. Главное, что по пути. Если решим с этим другом на юг идти – то много времени не потеряем.

Надо же, как быстро Зигфрид переключился, от прямого конфликта с незнакомцем до возможной помощи. Книжник знал: несмотря на внешнюю жесткость, у веста острое чувство правды и справедливости. Если ощутит за кем-то правоту – не пожалеет собственной крови, вступится. Но почует фальшь, обман или подлость – убьет без сожаления. Иногда Книжник даже завидовал этому качеству: четко различать добро и зло, своих и чужих – и не задумываясь пускать в ход оружие. А потом спать спокойным сном младенца. Сам он так не мог, и наверное, никогда не сможет.

– Ну что, Слава с Балаклавы, согласен ты с таким планом? – спросил Зигфрид.

– А у меня есть выбор? Время решает за меня.

– Значит, согласен. Тогда гасим костер – и вперед. Наверху уже светать начало. Не будем терять времени, раз оно все решает.

Когда они уже подымались по ветхой ржавой лестнице, семинарист сказал:

– Я вот никак не пойму. Ты же говорил, вроде как, за десять дней до нас добрался?

– Так и есть.

– Но ведь отсюда до Полуострова – как до Луны...

– Есть вариант ускориться, – туманно ответил Слава.

– Ускориться? – повторил Книжник.

Но пришелец с юга уже скрылся в люке над головой.

На этом разговор замяли. Потому что вариантов ускориться до Воробьевых гор не было никаких. Так и топали по раздолбанным улицам, благо повезло не пересечься с мутами и бродячими группировками.

Глава 3

Недолгие сборы

– Вот оно, это здание, – сказал Зигфрид. – Судя по описанию Кронуса – очень похоже.

Они притаились на краю Ленинского проспекта, не спеша выходить на открытое пространство. Все здесь, на Воробьевых горах, было непривычно и странно. Непонятные звуки, зловещее свечение над мрачным зданием Университета, которое они поспешили обогнуть по широкой дуге. Внизу, за рекой, мертвым бетонным островом из тумана выступало Железное Кладбище – огромный могильник древних боевых роботов. Когда-то это был громадный стадион, теперь же – арена малопонятных экспериментов кио над умирающими машинами и себе подобными. Глядя туда, Книжник невольно радовался, что от страшноватого места их отделяет река.

Правда, теперь, глядя на сооружение, к которому их привел Зигфрид, он не был уверен, что здесь намного веселее. По крайней мере, обитатели Железного Кладбища были более-менее знакомы. Там даже удалось завести друга – странного, как и все кио, но сохранившего остатки человеческого мироощущения, доставшегося некогда от создателей. Иногда даже казалось, что в Тридцать Третьем больше человеческих качеств, чем в иных людях. Все-таки с кио можно иметь дело, если они чувствуют выгоду и способны логически оценить пользу от общения с тобой. Они не руководствуются болезненным самолюбием, как шамы, или взрывными звериными эмоциями, как полуобезьяны нео. Они способны даже на прямое сотрудничество с людьми, как это было совсем недавно, когда смертельная угроза вынудила их помочь в создании армии боевых роботов из железного хлама, которого у них в изобилии.

Но то было далеко, за рекой.

Здесь же была неизвестность. Что-то гулко и протяжно грохотало за мощными стенами, пока Книжник соображал, где он мог видеть подобную архитектуру. Ясное дело, сам он в этих местах никогда не бывал, но должен был вспомнить здание по старым фотографиям, тысячи которых успел изучить в Семинарии. История – не такая уж мертвая наука, когда есть необходимость ориентироваться в мире, разрушенном давней войной.

Это здание было сложно спутать с другими. Этажей двадцать серых стен венчали огромные и более чем странные металлические нагромождения, чем-то напоминающие искореженные человеческие мозги. Можно было решить, что там, наверху, разнесло взрывом бетон до самой арматуры. Но нет, эта железная мешанина явно была сооружена намеренно.

Прикрыв глаза, Книжник напряженно копался в «картотеке памяти». Он сам придумал для себя эту методику, с помощью которой запоминал факты и благополучно забывал о них – с тем, чтобы по мере надобности извлекать из глубин мозга. Вот и сейчас, подумав секунд десять, он чуть улыбнулся и открыл глаза.

– Академия наук, – сказал он. – Точно, она.

Память дозированно выдавала скудные сведения. Например, о том, что железные «мозги» на крыше – вовсе не следствие бомбардировок и пожаров, а лихая задумка архитектора. Вроде там солнечные батареи должны были размещаться, чтобы кабинеты академиков обогревать. Где они сейчас, эти академики? Развеялись прахом, не оставив наследников своих научных школ и достижений в познании тайн природы. Все, что потомки знают, – как выживать в условиях ограниченности ресурсов, да еще как убивать и не быть убитыми.

Мы разучились строить и создавать что-то новое – умеем только разрушать или продлевать жизнь тому, что сделано до нас. Мы опустили на уровень каменного века, и только автоматы в руках да бродячие роботы создают иллюзию того, что люди еще чего-то стоят.

Но люди уже не могут заново создать такого вот робота, не могут даже сделать автомат или боеприпасы к нему. Закончатся патроны – и автоматами станут драться как палками, пока те не рассыплются в ржавую труху...

Книжник тряхнул головой, прогоняя наваждение.

Ну уж, нет, не бывать этому! Зря, что ли, Кремль хранит Книгу Памяти с накопленными человечеством знаниями? Зря, что ли, существует кремлевская Семинария, поддерживающая огонек знаний в подрастающих поколениях? В конце концов, для кого он сам рыщет по развалинам в поисках древних знаний? Книги, чертежи, схемы, папки с документами и целые архивы – все, что уцелело, будет собрано и тщательно изучено.

И уж точно он не упустит шанса изучить легендарный город на почти сказочном побережье Крыма. Наверняка там можно найти что-нибудь, что расширит его представление о мире. Но даже это не так важно, как сам факт воссоединения восставшего из пепла Кремля и его далекого собрата.

Сердце от волнения пропустило удар. Но тут же реальность заставила обратить внимание на себя. Земля дрогнула, в воздухе повис низкий звук – и шел он оттуда же, из корпуса Академии.

– Что там у них творится? – поинтересовался Слава.

Без страха и даже без особого любопытства. Наверное, ему просто надоело таиться в тени развалин. Не будь рядом Зигфрида, который контролировал каждый шаг группы, он просто шагал бы, насвистывая, через весь город. Неудивительно, что его земляки так и не добрались до Кремля. Здешние руины не прощают ошибок.

– А шут его знает, – отозвался Зигфрид, отрываясь от стены и делая осторожный шаг вперед. – Сейчас поглядим.

– А за глаза свои не боишься? – раздался новый голос – с эдакой ленивой насмешкой.

Все трое аж присели от неожиданности: только что перед ними была пустая улица, и вдруг на ней прямо из ниоткуда стали появляться одинаковые, ладно скроенные фигуры в плотно обтягивающей одежде. Они вышагивали прямо из воздуха – не менее десятка, крепкие, высокие, грозные, – но почему-то невооруженные. Воздух подернуло ровным маревом, и Книжник машинально отметил: видать, незнакомый вид маскировки. Эти ребята больше прочих продвинуты в технологиях – просто потому, что такими созданы изначально.

Только вот цацкаться со своими создателями они вряд ли будут. Потому что это кио – холодные и безжалостные машины в человеческом обличье.

Слава дернулся было, чтобы нырнуть в ближайшие развалины, но Книжник удержал его за плечо. Зигфрид тоже не стал дергаться, даже руку с меча убрал. Оно и понятно: драться с кио в таком количестве – себе дороже. Это только с виду они безоружные. Но такого из «калаша» не срежешь, не говоря уж о более примитивном оружии. Каждый из них – сам по себе мощная машина смерти, и встроенные в скелет выдвижные танталовые клинки могут поспорить с мечами кремлевских ратников. Самое неприятное, что своих создателей, людей, они давным-давно сбросили со счетов, перестав считать доминирующим видом. Человечество для них – примитивный вид, пройденный этап, который в перспективе должен исчезнуть с лица Земли. И возможно, они не прочь были этому поспособствовать.

Поэтому от кио можно ожидать всего, чего угодно. Сочтут они этих троих вражескими лазутчиками – даже глазом моргнуть не успеешь, как превратишься в кровавый фарш. Так что стоять и молча хлопать глазами сейчас опаснее, чем очертя голову броситься в атаку.

– Кронус! – выдохнул Книжник. – Он ждет нас!

– Кронус? – вперед вышел один из кио, внешне ничем не отличавшийся от остальных: рубленое лицо манекена с серебристыми прожилками в коже. Быстро придвинулся к побледневшему семинаристу, впился холодным взглядом прямо в глаза. Ощувив на себе этот ледяной взгляд, парень невольно попятился. – А с чего ты взял, что ты интересен Кронусу?

– Ты думаешь, ему понравится, что вместо него здесь ты? – дерзко спросил Зигфрид. – И не надо сверлить меня взглядом, сверлилка отвалится.

Кио угрожающе надвинулись – с неправдоподобной синхронностью, на которую способны только машины. Зигфрид даже не шелохнулся. Глядя на него, устоял и Слава. Неизвестно, чем бы закончилась эта психическая атака, если бы за спинами кибернетических воинов не появилась новая фигура в длинном темном плаще.

– Оставь их, Второй. Это мои друзья.

– Вот как? – продолжая разглядывать людей, холодно отозвался тот, кого назвали Вторым. – У тебя есть друзья среди хомо?

– А у тебя есть друзья среди кио, Второй? – тот, в плаще, вышел вперед. На вид – куда более потрепанный, выдавший виды, но, несомненно, не человек. Об этом свидетельствовал проступающий сквозь серую кожу металл.

– Ты же знаешь, у нас не может быть друзей, – бесцветно сказал Второй. – Только коллеги, начальники и подчиненные.

– Знаю, – отозвался кио в плаще. – Но я вот решил попробовать. Привет, Книжник. Привет, Зигфрид.

– Привет, Кронус, – сказал семинарист.

Зигфрид лишь кивнул в ответ, как и немного растерявшийся Слава.

– Каким ветром вас занесло сюда? – продолжил Кронус. – Хомо здесь не место.

– Мы это заметили, – сказал Книжник. – Всего один вопрос – и мы уйдем.

– Ладно. Только придется пройти в убежище. Здесь и без того здорово «фонит», а через минуту ударит рентгеновским излучением.

– Какой-то эксперимент? – оживился Книжник.

– Это и есть твой вопрос?

– Что? Нет, конечно... Мы хотели спросить...

– Тогда идите за мной. Поживее, а то поджарит заживо.

Все кио, за исключением Кронуса, один за другим исчезли, шагнув куда-то в пустоту. Книжник подтолкнул в спину Славу, и все трое двинулись за сгорбленной фигурой в плаще.

Книжника всегда ставило в тупик, отчего одни кио имеют имена, а другие – всего лишь номера, в той или иной степени соответствующие статусу. В чем тут дело? Можно было бы подумать, что они все до единого просто бездушные машины, но это не так. Он своими глазами видел то, что таится в бронированных головах этих существ – самые настоящие, натуральные человеческие мозги. Они не люди – но и не машины в полном смысле слова.

– Сюда! – коротко приказал Кронус.

Они прошли к обветшалому входу, укрепленному разнородными блоками, камнями, кусками железа. Похоже, здание Академии наук издавна превращено в крепость. Да и глупо было не использовать этот мощный комплекс объединенных в единое целое сооружений, расположившихся на территории квартала. Здешние обитатели хорошо поработали над конструкциями, заложив окна нижних этажей, укрепив стены и перекрыв подходы непролазными заграждениями. Правда, это не было похоже на работу кио. Эти ребята не занимаются такой примитивной фортификацией – у них другие, куда более прогрессивные методы защиты и нападения. Скорее всего, эту крепость они взяли уже в готовом виде – попросту отбили у какого-то клана.

– Я думал, что больше не увижу тебя, Книжник, – остановившись в дверях, сказал Кронус. Они ждали, пока откроются мощные железные ворота, сменившие на входе прежние двери. – При нашем прощании в Могильнике мне показалось, что ты образумился. Лазить в руинах и искать приключения – это не твое. Ты интеллектual, хоть и человек. Твое место в библиотеке, в музее каком-нибудь – или где там хомо теперь хранят информацию?

– Рано меня хоронить в архивах, – сказал семинарист. – Впрочем, я тоже не рассчитывал на встречу. Слишком много у нас с тобой общих воспоминаний, неприятных в основном.

– Кому как. Лично я рад, что освободился из многолетнего рабства.

– Черта с два – «освободился», – жестко сказал Зигфрид. – Тебя освободил Книжник.

– С этим можно было бы поспорить, – начал Кронус, но встретил тяжелый взгляд веста. – Но я не буду. Вы действительно помогли мне. Хотя, не скрою, здорово смешали мои планы. Я хотел использовать Могильник в своих целях, теперь же на него наложил свою лапу Кремль.

– Но ты жив и неплохо себя чувствуешь, – сказал воин. – А потому мы надеемся на взаимную услугу.

– Все, что в моих силах.

Тяжелая железная створка провалилась в глубину стены, и Кронус жестом пригласил гостей. Один за другим те вошли в мрачный проем. С глухим звуком закрылись за спиной ворота.

И только после этого в здании вспыхнул свет. Зажмурившись, Книжник прикрыл глаза ладонью. Ему показалось, что он ослеп от этого яркого света, но по мере того, как глаза привыкали, ощущение лишь усиливалось.

Здесь не было ничего. Только нереально белые стены, пол, потолок. Такой белизны Книжнику видеть не доводилось, и он испытал настоящий шок. Самое «белое», что он видел – бумага старых книг, и то она отдавала желтизной. А здесь... Как такого добились в этом тошнотворно-грязном мире? И главное, зачем?

Друзья озирались в белоснежном «ничто» с таким же изумлением на лицах. Даже Зигфрид не смог сохранить обычной невозмутимости, не говоря уж о Славе. Можно было бы даже подумать, что они умерли и оказались на пороге рая. Да только Кронус совсем не подходил на роль архангела Михаила.

Что за опыты здесь проводят кио? Насколько далеко продвинулись в технологиях самозванные наследники человечества? Не обернется ли это бедой для остатков цивилизации? Книжник ощутил тревогу, подавленно огляделся, чувствуя себя дикарем, оказавшимся в операционной нейрохирурга. Нейрохирурга, готового ради холодного любопытства вскрыть тебе череп, покопаться в твоих мозгах, а после – потерять интерес и выбросить твое истерзанное тело за ненадобностью.

Хозяин этого странного места не дал времени на фантазии и страхи.

– Так что вы хотели узнать? – холодно спросил он. Странное вибрирующее эхо разнесло голос среди белоснежных стен.

Книжник молча, не глядя, отставил руку в сторону. Чуть поколебавшись, Слава вложил и раскрытую ладонь свой ключ. Следом с тихим шелестом скользнула цепочка. Так же, не отрывая взгляда от Кронуса, семинарист протянул ключ ему со словами:

– Как ты думаешь, что это?

К ключу Кронус даже не притронулся. Предмет, однако, осмотрел. Поднял взгляд на Книжника.

– Интересная вещица, – сказал он. – Откуда она у вас?

– Ты так и не сказал, что это за вещица.

– Это ключ.

– Не держи нас за идиотов. Сами видим, что ключ. От чего он?

– Я бы сказал «для чего». Это ключ запуска ракет.

Книжнику показалось, что он ослышался.

– Каких еще ракет?

– Здесь возможны варианты. Например, ракет космического назначения, с помощью которых на орбиту выводили спутники и космические корабли. А может, и стратегических. Ядерных. Тех самых, что превратили наш мир в пепелище.

– И что же, этим ключом можно...

– А ничего им уже нельзя сделать. Все уже сделано. Можно вот, как он, продолжать носить его на шее. Как дикари носят зубы убитых зверей.

Книжник беспомощно поглядел на Зигфрида, на Славу. Неужели вся эта история оказалась пустышкой? Целились, целились, да попали пальцем в небо. Слава, главный виновник всей этой затеи, лишь молчал да хлопал глазами. Кронус сам пришел к нему на помощь.

– Может, дело не в самом ключе, а в том, что с ним связано?

Вот уж, не поспоришь – у кио железная логика. Книжник слегка подтолкнул Славу:

– Давай, рассказывай...

– Да стоит ли...

– Это уж ты сам решай. Только другого шанса у тебя не будет.

Слава склонил голову, закрыл лицо руками.

Перед глазами было далекое море. Страшное, злое – но все-таки дающее жизнь. Если он примет неверное решение – некому будет глядеть на море, на горы, на древние здания на берегу бухты.

Ничего не будет.

Отец дал ему ключ – но не сказал, от чего он. Этот кио знает.

Отец сказал: раскройся лишь главнокомандующему. Но главнокома давно уже нет.

Отец – главный в роду, его слово – закон. Но отца уже нет. И главный в роду – он, Вячеслав. Значит, только ему принимать решение.

– Я расскажу, – тихо начал Слава. – У моего рода есть древний ритуал...

Кронус выслушал молча, не задавая вопросов. И едва Слава закончил, сказал:

– Все ясно.

– Вот как? – произнес Зигфрид. – Так, с ходу – и ясно?

– Это еще один вопрос? – холодно отозвался Кронус. – У меня нет времени на пустые разговоры.

– Он шутит, – быстро сказал Книжник. – Нам, правда, интересно твое мнение.

– Ну, ладно... – кио заложил руки за спину, отвернулся, задумался совершенно человечески. – Может, я немного преувеличиваю, но делаю выводы только на основании того, что услышал. Во-первых, речь, как я понимаю, идет о бывшей военно-морской базе в Севастополе. В моем хранилище данных, – Кронус коснулся головы, – ограниченная информация, так что говорю только то, что знаю. Все, что ты, – он указал на Славу, – рассказал про своего рода ритуал, соотносится с действиями секретного подразделения, обеспечивающего функционирование так называемой «Машины Судного Дня».

Он замолчал, оценивая реакцию слушающих.

– Никогда про это не слышал, – сказал Книжник.

– Я тоже, – добавил Зигфрид. – Но звучит неприятно.

– Я так понимаю, что исполнитель тоже не в курсе того, чем всю жизнь занимался? – с холодным любопытством продолжил Кронус. – Оно и не удивительно. У хомо короткая память. Вы слишком быстро забываете об ужасах прежней войны, чтобы начать новую. И ни черта не помните про самих себя – кто вы, откуда, зачем... Впрочем, я отвлекся. Итак, «Машина Судного Дня». Это, конечно, образное выражение, придуманное газетчиками прошлого. Есть и другое название – «Мертвая рука». Она же – система «Периметр». Исходя из стратегического значения Крымского полуострова и главной базы Черноморского флота, можно заключить, что там находился один из запасных командных пунктов данной системы.

– «Можно заключить?» – с сомнением произнес Зигфрид. – Так ты не знаешь наверняка?

– Уверен, что наверняка это знало всего лишь несколько человек в государстве. И даже личный состав секретной части владел лишь крупницей общей информации. Все остальное – досужие домыслы.

– И в чем задача этой системы? Если она действительно существует.

Здесь Кронус уже намеренно выдержал паузу, с тем, чтобы до присутствующих дошла вся тяжесть той информации, которую он собирался на них обрушить.

– Эта система должна была гарантированно запустить все оставшиеся ядерные ракеты даже в случае полного уничтожения всех вооруженных сил государства. До настоящего момента лично я, да, наверное, и все остальные, были убеждены в том, что система просто не сработала во время Последней Войны – иначе все живое на Земле было бы уничтожено, теперь уже окончательно. Но, выходит, система так и не активировала последний удар. И не сделала этого только потому, что кто-то, оказывается, уже двести лет, из поколения в поколение, прилежно жмет на кнопку, – Кронус пронзительно поглядел на Славу, и тот с трудом выдержал этот колкий, нечеловеческий взгляд. – Жмет, демонстрируя системе, что один из командных пунктов все еще жив, а значит – сопротивляется. И только поэтому система все еще оставляет планете последний шанс. Вот так.

Наступила тягостная тишина, нарушенная лишь низким протяжным звуком, прошедшим волной по белому полу и вызвавшем вибрацию под ногами. Там, за невидимыми стенами, продолжались неведомые эксперименты. Остается лишь поражаться выдержке или просто равнодушию кио, только что практически вынесшего приговор этому чахлому миру.

– И что же делать? – бесцветно произнес Слава.

– Продолжать нажимать на кнопку, – жестко сказал Кронус. – Другого выхода нет.

– И что, это нельзя остановить – навсегда?

– Может, и есть способ. Но я бы не стал вмешиваться в работу системы. Потому что любое вмешательство она может воспринять как угрозу со стороны противника.

– А если сделать... такое устройство... – прищурился Книжник, сделал в воздухе характерное движение пальцем.

– ...которое само нажимало бы на кнопку? – быстро закончил за него Кронус. Даже глаза у него сверкнули, наверное, понравилась мысль. – Хорошая идея, да только никуда не годится. Система распознает человека по целому ряду параметров. Защита от таких вот умников.

Семинарист ощутил, что краснеет.

Вячеслав рядом беспокойно переминался с ноги на ногу, пока не произнес дрогнувшим голосом:

– Значит, если мой брат перестанет выполнять ритуал...

– Тогда вам, людям, придет конец, – ровно сказал Кронус.

Слава невольно сжал кулаки, шагнул в сторону кио. Зигфрид предусмотрительно придержал парня за плечо – чтобы тот сгоряча не наделал глупостей.

– Ты так спокойно говоришь об этом, – дрогнувшим голосом произнес Книжник.

– Мне не о чем беспокоиться. Кибернетическим организмам не страшна радиация и новая ядерная зима. Вы сами создали нас такими, люди.

Уже покинув Академию, пройдя в оцепенении шагов двести в тени мертвых зданий, Слава вдруг качнулся и рухнул на колени. Обхватив голову руками, затрясся, закрывая лицо руками. Можно было подумать, что он рыдает.

Но он смеялся. Бился в бессильном, почти истерическом смехе. Так выходило напряжение последних дней, эта бесконечная и бессмысленная дорога, стоявшая жизни двум товарищам, а теперь, выходит, и брату тоже. На мысли о судьбах человечества его уже не хватило.

– Какой же я идиот, – скалясь и давясь смехом бормотал он. – С чего я взял, что могу ждать какой-то помощи? Зачем я перся в эту даль, когда здесь еще хуже, чем дома?! Зачем я слушал умирающего отца, когда надо было включить собственную голову? Зачем?!

Смех перешел в рыдания, и теперь он продолжал бессмысленное хриплое лепетание, размазывая по лицу слезы вперемешку с соплями, а спутники смотрели на него с угрюмым недоумением, пока Зигфриду все это не надоело.

– Ну хватит! – рыкнул он. – Что ты разнылся, как баба! Да, ситуация хреновая, особенно, если верить этому танталовому лису...

– У нас нет оснований ему не верить, – отрывисто сказал Книжник. – Он знает, что говорит.

– Ну, значит, пойдем туда – и вытащим брата этого нытика! – отрезал воин. – А то мы здесь только время зря тратим.

– Куда, куда вы пойдете?! – внезапно перестав рыдать, прорычал Слава. Его аж перекосило от внезапного приступа злобы. – Выходит, я променял двоих погибших друзей на двух незнакомых мне бандитов?!

Он снова расхохотался каким-то новым, безумным смехом, указывая пальцем то на одного, то на другого спутника. Будто они вдруг превратились в каких-то жутко веселых размазанных клоунов. Потом обмяк и вяло осел на асфальт.

– Зря ты так, – сказал Зигфрид. И его голос был на удивление ровный, будто и не хотел он сейчас залепить психанувшему южанину приличную оплеуху. – Мы – твой последний шанс.

– Да мы – и свой собственный последний шанс! – с неожиданной силой выдохнул Книжник. – Если не мы – кто вообще сможет остановить катастрофу? И его брата из этой пещеры вытащит?

Слава глядел на них исподлобья, затравленно, мокрыми собачьими глазами. Можно было даже подумать, что он скис, потерял волю.

Ничего он не потерял. Просто устал. Невообразимо, дико устал. Настолько, что в голове осталась лишь звенящая пустота. А потому он уже готов был слушать во всем этих спокойных, уверенных в себе ребят, которые, не тратя напрасно времени, обсуждали план предстоящего похода.

– Конечно, нас мало, – размышлял вслух Книжник. – Но один Зигфрид десятерых стоит...

– Скажешь тоже, – ровно отозвался воин.

– Точно говорю!

– Да ты обидеть меня хочешь, – усмехнулся Зигфрид. – Десятерых! Я с полусотней не справлялся, в одиночку септ дампов укладывал!

– Э-э... – немного растерялся Книжник. – Ну, ты понял, что я сказать хотел.

– Да понял я, пошутил просто. Дело-то вообще не в силе, и даже не в умении владеть мечом. Главное – команду сколотить. Эй, Слава, у вас люди-то, кроме тебя и твоего брата, есть надежные? Кто драться готов?

– Были бы такие люди – я б сюда не пошел, – отозвался Слава. Задумался. – Есть всякие банды, которые никому не подчиняются. Но с ними говорить бесполезно.

– Это ты просто не пробовал.

– Я же говорил, мы не можем раскрывать нашу тайну первым встречным. Именно поэтому меня отправили в Кремль...

– Это мы поняли. Но ничего – будем решать на месте. Оружие там можно найти?

– Этого добра у нас без меры. Было бы чем платить.

– Было бы оружие, а уж мы его получим, – мрачно пообещал Зигфрид. – Сейчас наша задача – выбраться за МКАД. Так что пока обойдемся тем, что имеется.

А имелось у них не то чтобы в изобилии, но вполне достаточно для того, чтобы чувствовать себя более-менее уверенно на непредсказуемых московских улицах. Неизменный меч Зигфрида – главное оружие группы на случай контактного боя. Многочисленные стычки показали, что в руках веста это не просто оружие – это вполне надежная гарантия безопасности и власть над ситуацией. Пара револьверов веста – не менее убойное оружие, благо по пути сюда Зиг извлек из тайной «зачапки» упаковку патронов. Эти патроны, выдержанные в одном из Полей Смерти, можно считать хорошей альтернативой ручному противотанковому гранатомету. Шут его знает, как это действует, но одной такой пулей вполне можно обездвижить биоробота типа «рекс» или пробить кирпичную стену. Впрочем, и выстрелов таких – ограниченное количество. Ну так и Зигфрид пускает их в ход лишь в исключительных случаях, во всех остальных полагаясь на закаленную сталь клинка. Далее – трофейный автомат Вячеслава, подобранный на месте расправы с мародерами, плюс его личный «Глок» – вполне себе нормальный индивидуальный комплект. Ну и бонусом – автоматический арбалет семинариста, собранный в мастерских Бункера, совершенное изделие вестов. Тихое и точное оружие, в умелых руках не менее убойное, чем СВД. Плюс связка железных стилосов, покрытых сильнодействующим ядом – это уже на самый крайний случай.

Конечно, огневая мощь никогда не бывает лишней, но куда важнее найти союзников – тех, кто бы эту мощь обеспечил.

– Жаль, Кронус отказался идти с нами, – сказал Книжник. – Он бы точно разобрался во всем этом оборудовании. Только прикидывается, что не смог бы.

– Многого ты хочешь от кио.

– Тридцать Третий пошел бы!

– Ну и толку было бы от него? То ли дело – Лого.

– Лого – это, конечно, да...

Вопросов нет, помощь ударного биоробота типа «раптор» никогда не бывает лишней. Да только где его искать – этого титанового «динозавра» с мозгами шама? Эх, жаль нет времени – и Чико бы прихватить с собой с его огнеметом, да и Отшельника с его способностью управлять мутантами.

И Хельгу.

Вспомнив о девушке, оставшейся далеко, у кремлевских стен, Книжник насупился. Но тут же взял себя в руки. Для того он и собрался в черт знает какую даль, чтобы защитить тех, кто остался дома. Правильно, пусть и не знает ничего. Женщины, старики да дети не должны думать о надвигающейся смерти, бояться и дрожать.

А они... Они справятся.

– Ладно, хорош расслаиваться! – резко бросил Зигфрид. – Каждая минута здесь сокращает наши шансы на успех.

– Да, да... – пробормотал Слава, торопливо поднимаясь на ноги. – Надо спешить. Надеюсь, он еще ждет...

– Кто ждет, твой брат? – спросил Книжник.

– Н-нет, я сейчас о другом говорю...

– Хватит разговоров, – нетерпеливо сказал Зигфрид. Кивнул Славе. – Задавай направление – и двинем.

– Значит так... – Слава растерянно огляделся. Он все еще не пришел в себя и выглядел немного неловко: ему было стыдно за недавний припадок. – Я направление не знаю, я вообще здесь плохо ориентируюсь. Для начала надо выбраться за МКАД. Дальше нужно добраться до Остафьево. Там нас будут ждать.

Книжник с Зигфридом переглянулись.

– Кто нас будет ждать? – с подозрением произнес Зигфрид. – Ты же говорил – с тобой еще двое было, и оба погибли?

– Так и есть, – помрачнел парень. – Те, кто ждать будут – они сами по себе. Но у них – транспорт.

– Транспорт?! – Книжник едва не подпрыгнул. – Чего же ты молчал?

– А вы думали, я бегом сюда за десяток дней прибежал?

– Остафьево... – наморщив лоб, вспоминал Книжник. И вдруг изумленно вытаращился на Славу: – Там же аэродром был! Уж не самолет ли у тебя?

– Не... – Слава пожал плечами. – Откуда? Отродясь самолетов не видел.

– Ладно, по пути расскажешь, – поправляя ремни, сказал Зигфрид. Выдвинулся вперед, обернулся. – С тебя, кстати, вода и кормежка всю дорогу.

– Это само собой...

– Ну тогда вперед, парни. Держим курс на Юг.

Замыкая маленькую группу, Книжник невольно оглянулся. Ничего толком, конечно, не увидел – город скрывался в грязном тумане. Но трудно было удержаться от этого прощального взгляда.

Ведь там, куда они отправлялись, ни один кремлевский не бывал более двухсот лет. Это было как полет в космос. Как нырок в черную дыру.

Путь в неизвестность.

Шли тяжело, долго, и за пару кварталов от МКАД остановились на ночлег. Впереди, в надвигающемся сумраке, за бледно сияющим Куполом, было Северное Бутово. Место, по словам Зигфрида, страшное, лютое, в которое по темноте лучше не соваться. Слава не сразу оценил решение, сказав нетерпеливо:

– А разве не лучше прокрасться ночью? Вроде как незаметно прошмыгнуть?

– Только не здесь, – покачал головой Зигфрид. – Здесь такие упыри живут, для них ночь – самое бурное время.

– Упыри? – недоверчиво повторил Слава. – Мутанты, что ли?

– Да кто их знает. Сам я здесь не бывал, наши лазутчики рассказывали, когда мы, весты, еще в Бункере жили. С виду, говорят, вроде как люди. Да только злобные, как черти, и живут исключительно набегами на ближайшие районы по другую сторону МКАДа. Думаю, они для того и поселились с внешней стороны, чтобы отгородиться и набеги совершать внезапно, исподтишка. Якобы им дыры в Куполе известны, ими и пользуются.

– Нам тоже неплохо бы такой лаз отыскать, – заметил Книжник.

– Это как раз ни к чему. У нас ключ есть.

– Ключ?

– Скоро увидишь. Пойдем под утро, когда Бутово утомонится.

Расположились под полуразрушенной эстакадой Варшавского шоссе. Костер разжигать не стали – места действительно оказались беспокойные, что-то двигалось, шуршало, выло и ревело во мраке. Вдалеке отчетливо протрещала автоматная очередь. Под нее-то, как под колыбельную, и уснул Зигфрид. Глядя на безмятежно дремлющего воина, один за другим отрубались Книжник и Слава.

Книжнику снился далекий город на берегу моря. Только в этом городе не было южной безмятежности и лени – он был затянут пороховым дымом. Вручную сооруженные укрепления из песка и камней, мешки и корзины с боеприпасами, оборванные грязные солдаты, с озверением отбивающие атаку за атакой, древние пушки, заряжаемые с дульной стороны. С одной стороны – гладь моря, с ползущими по ней парусниками и извергающими черный дым парусно-паровыми уродцами. С другой стороны – город, зажатым горами и холмистой степью, в долине – редуты, заслон против мощного иноземного врага. Круглые чугунные ядра, в клубах едкого дыма вырывались из пушечных жерл и устремлялись на безумно несущуюся в атаку конницу. Сверкающее оружие и амуниция всадников, ладные кони и роскош-

ные знамена завораживали красотой и контрастирующей с ней бессмысленной обреченностью. Хотелось кричать: «Что же вы делаете?! С саблями и палашами – на пушки?!». Но ядра бешено неслись навстречу, отскакивая от земли, и, врываясь в строй, сметали лошадей, выбивали людей из седел, орошая кровью сухую степь. Конный строй приближался к линии обороны, становясь все реже, пока не растаял вовсе. И защитники укреплений потрясенно глядели на результаты своей меткой стрельбы и не испытывали ни злорадства, ни радости от этой страшной победы. Потому что защитники – они НАШИ, они не желают, не любят напрасно пролитой крови. Все, что им нужно – отстоять свой город, свою землю, свою честь. Это была первая оборона легендарного города, та, что посеяла в эту землю зерна доблести и чести.

Слава видел во сне другую войну. Ту, которая регулярно являлась ему по ночам, ту, в которой не было места флагом и трубам, барабанной дробь и нелепым сантиментам, вроде дворянской чести. Начиналась она неизменно – с ослепительной вспышки ядерного взрыва на горизонте. Едва успокаивалось вскипевшее бурное море, в атаку шли вражеские корабли. Но не всегда он наблюдал страшное морское сражение. Всякий раз, по какой-то прихоти мозга, он наблюдал за боями с разных точек. На этот раз он оказался рядом с бойцами, отбивавшими атаку высадившегося десанта. В синем мерцании силовых полей на него надвигался гигантский «Аконкагуа 5А», медленно вращающий головной башней с мощной электромагнитной пушкой. Гигантскую машину прикрывала четверка «рапторов», с ходу ворвавшихся в строй обороняющихся.

Ухнуло танковое орудие. Снаряд рванул в полуметре от брони гиганта, вызвав лишь волнение силового поля. Взревев дизелем, с проворотами гусениц, танк рванул задним ходом, стремясь отойти на запасную позицию. Но не успел: сбоку, из дымовой завесы показалась чудовищная морда «раптора», напоминавшего хищного динозавра. Вскочив на броню, био вцепился в ствол танковой пушки передними манипуляторами и мощной гидравлической пастью. Рывок – и в сторону полетела оторванная башня. Экипаж быстро покинул обезглавленную машину, а еще через секунду ее вдавило в землю весом наступающего робота-гиганта. С ревом устремились вперед «рапторы» прикрытия. Животный рев – не побочный эффект, это специально подобранный звук устрашения, еще один винтик в механизме психологической войны. Гигантский ударный биоробот надвигался на город. С воющим, режущим слух звуком разрядилась электромагнитная пушка – в глубине города содрогнулось и осело в дыму еще одно здание. С той стороны отчаянно забили артиллерийские орудия. Немногие попавшие снаряды беспомощно разрывались в силовом поле био. Откуда-то с неба с ревом обрушился огненный смерч – наступающих пытались поразить ракетой типа «Точка-У». Можно было решить, что робот-гигант, наконец, уничтожен: на несколько секунд он просто исчез в оранжево-черных клубах взрыва. Но вот он, снова показался – весь в искрящихся всполохах силового поля. Новый выстрел – и еще один обездвиженный, искореженный танк защитников города. Казалось, самое время опустить руки.

Но откуда-то с тыла показались трое бойцов. Ничтожная группка на фоне чудовищных масс движущегося и стреляющего металла. Двое тащили тяжелый металлический ящик, третий нес за спиной пару толстых труб защитного цвета. Установив ящик на земле, бойцы откинули крышку, под которой оказалось странное массивное устройство, немедленно выбросившее вверх веер металлических штырей, напоминавших ростки железного бамбука. Быстро отбежали в сторону и спрятались за камнями, после чего старший вдавил кнопку на переносном пульте. На первый взгляд ничего не произошло, только дернулось и исчезло силовое поле на броне «Аконкагуа». После чего поднялся тот, третий, что держал теперь одну из труб на плече. Хлопок, сноп пламени – и ракета, вырвавшись из трубы, унеслась в сторону цели. Не дожидаясь результата, боец отбросил пустую трубу, поднял вторую и, быстро прицелившись, послал в «Аконкагуа» вторую ракету. Бахнуло подряд

два взрыва. Робот качнулся, на его поверхности появилось было и уже окончательно пропало силовое поле. Реактивная противотанковая граната типа «Муха» слишком слаба против такого гиганта, но следом с удвоенной активностью забили танковые пушки. И лишенный силовой защиты гигант «поплыл». Когда удачным выстрелом ему оторвало башню, все было кончено. Танкисты и пехотинцы с легкой ручной «артиллерией» добивали «рапторов». А трое неизвестных бойцов уже растворились в дыму сражения.

И где-то на грани сна и яви в мозгу Славы мелькнула простая и ясная мысль: даже трое могут многое. Все, что угодно.

С этой мыслью он улыбнулся и перевернулся на другой бок.

Зигфриду ничего не снилось. Ему никогда ничего не снилось. Да и сна, как такового, не было. Собственно, он «выспался» за те минуты, пока засыпали спутники. Так что смена караула не понадобится. Нужно просто сидеть и ждать рассвета.

Так он и сидел – прислонившись спиной к бетонной плите, с мечом на коленях, неподвижно глядя в темноту.

Глава 4

Броня и пар

Едва забрезжил рассвет, Книжник ощутил, как его тыкают в бок чем-то твердым. Еще не открыв глаза, догадался: автоматный приклад. Вот так бы и дальше – вставать и идти, все еще не открывая глаз. Он так и не выпался с этими беспокойными снами – в ушах до сих пор звучали конский топот, свист ядер и вопли солдат с оторванными конечностями.

– Хорош, хватит в меня тыкать, как в дохлую крысу, – сипло проворчал Книжник и открыл глаза.

Зигфрид и Слава уже ждали его, собранные и готовые продолжить путь. Книжник торопливо поднялся, похлопал себя по карманам, соображая, не выпало ли чего. Нацепил неудобный вещмешок, подхватил арбалет и с готовностью поглядел на спутников.

– Идем тихо, но быстро, – вполголоса сказал Зигфрид. – Не потревожим гадюшник – он не завоняет.

Пошли не напрямую по Варшавскому шоссе, а чуть в сторонке, грязными дворами, до вторых этажей заваленными мусором и поросшими отвратительно выглядевшей мутировавшей порослью.

Совсем уж тихо не получилось. Где-то у самой эстакады МКАД спугнули какую-то тварь размером с собаку, только несравненно более уродливую и жуткую. То ли там у нее нора была, то ли детеныши, да только взъелась она на людей, прицепилась и так и шла по пятам, то ли лая, то ли чихая. Этот мерзкий звук не только раздражал, он грозил привлечь сюда других хищников, или, что хуже, – бродяг из местных банд.

Решение пришло спонтанно. Не тратя время на разговоры, Книжник вскинул арбалет, коротко прицелился – и всадил болт прямо в лоб надоедливой твари. На несколько секунд стало тихо. А после этого со всех сторон раздался такой раздражающий душу, заунывный вой, что тьяканье надоедливой твари показалось ангельским пением.

– Ну, спасибо тебе, дружище, – беззлобно сказал Зигфрид. – Подкрались незаметно, нечего сказать...

Они были уже у самого силового поля Купола. Черт его знает, что это было за поле. Поговаривали, что его источником были излучатели на шпилях «сталинских» высоток. Якобы это часть системы московской противоракетной обороны, как тот же Могильник, занявший зловещую усеченную пирамиду системы «Дон 2», что на Ярославском шоссе. Что ж, очень даже может быть, если учесть то простое обстоятельство, что Москва все еще стоит – даже после тотальной войны на уничтожение.

– Как мы пройдем через Купол? Излучение – оно же и убить может...

Зигфрид молча снял с шеи армейский жетон на цепочке, зачем-то продемонстрировал его Славе, и тот так же молча кивнул. Видать, оба знали что-то, о чем спутнику пока не соизволили сообщить. А в жетоне, между прочим, сверкнул какой-то круглый камешек. Очень интересно.

– Дай мне, – сказал Слава.

Зигфрид протянул ему цепочку с жетоном. Слава взял предмет и первым направился к грозному мареву поля. И поле вдруг поплыло, подернулось помехами – и расползлось грязной проплешиной.

– Недурно, – сухо сказал Зигфрид. – Вперед!

Двигались осторожно, стараясь не нарушить предрассветную тишину. Здорово помогал утренний туман, заменивший дымовую завесу. Но даже за ней были видны обрушившиеся многоэтажки, составлявшие сердце района.

Северное Бутово потрясло воображение. Дома здесь давно перестали быть похожими на человеческие жилища, превратившись в некое подобие диких скал. Черные, облепленные то ли глиной, то ли грязью, сплошь заросшие плющом и лианами, с хаотично торчащими «гнездами», вроде птичьих, только вполне подходящих по размеру людям. Особенно поражало несколько огромных, бесформенных аэростатов из грязной полупрозрачной пленки, зависших на привязи над домами-скалами. Хотелось спросить: что это, зачем? Но разговаривать было нельзя – и они продолжали тихо красться вперед.

И тут случилось нечто совсем неожиданное. Со всех сторон в тумане раздался тот самый унылый вой – как на той стороне, возле убитой ночной твари. Завыла одна тварь – ее тут же подхватила другая, третья... И понеслось – настоящая симфония звериной тоски.

– Тихо вы! – в отчаянии простонал Книжник, пытаясь разглядеть в тумане проклятых мутантов. – Заткнитесь!

Словно услышав его, мстительные твари поступили с точностью до наоборот. Поднялся такой гвалт, что стало очевидно: тихо прошмыгнуть не удалось. И тут же в беспорядочно раскиданных по стенам домов окнах-дырах вспыхнули огни, и пришли в движение странные аэростаты.

– Смотрите, что творят! – Слава ткнул пальцем в ту сторону. В его голосе не было настороженности или испуга – одно лишь удивление и любопытство.

Приглядевшись, семинарист понял, для чего нужны эти громоздкие воздушные шары, накачанные каким-то легким газом: обитатели верхних «плато» домов-скал просто хватались за веревки – и мягко опускались к земле, как на парашютах, после чего шары снова поднимались, готовые к использованию. Черт возьми – это было оригинальной альтернативой лифтам! Интересно, местные сами додумались, или где-то украли все это хозяйство?

– Чего глядеть – тикаем, быстро! – рявкнул Зигфрид. – Сейчас бутовские набегут – не отобьемся!

– погоди, – остановил его Книжник. – Как ты думаешь, что за газ в этих воздушных пузырях? Ставлю девять к одному, что водород!

Ничего объяснять не потребовалось. Глаза Зигфрида сверкнули интересом, и в руку будто сам собой прыгнул револьвер.

– Водород, говоришь...

Единственный выстрел – и там, над домами, сверкнуло. Коротко, ярко, после чего небо затянуло расплзающееся жирное пламя. И только потом долетел грохот взрыва.

– Точно, водород, – пряча револьвер в кобуру, сказал вест.

Не сговариваясь они бросились прочь.

Спасибо спасительному туману – их так и не догнали. Возможно, посчитали, что наглецы ушли в сторону МКАД – там до сих пор отчетливо зияла пробитая в куполе дыра. Но яростные вопли и беспорядочная стрельба за спиной побуждали побыстрее покинуть опасное место.

За окраиной беспокойного района все резко изменилось. Поначалу было непросто сообразить, что здесь не так, слишком тонка была разница. Туман растворился, и перед глазами появилась пустая равнина с редкими остовами зданий. Было пусто и тихо.

Вот оно – пустота. Непривычный после московских улиц простор, начисто лишенный жизни. Трудно представить такое в пределах МКАД, где идет непрекращающаяся война всех против всех, где на каждый клочок земли, на каждую грудку кирпича, на каждую нору претендуют самые разные кланы, племена и расы, не говоря уж о злобных мутантах, не спрашивающих ничего разрешения.

Все эти мысли мгновенно сдуло криком Зигфрида:

– Сзади!

Они едва успели среагировать. Слава инстинктивно кувыркнулся вперед, и, издав сдавленный крик, развернулся, одновременно выхватив из-за пояса «Глок». Отличная реакция – он начал стрелять, еще даже не успев понять, в кого именно. Правильное решение: буквально в метре от него грохнулся и забился в конвульсиях жуткого вида зверь – невероятно тощий, с длинным узким туловищем и мощными когтистыми лапами, с мордой, напоминающей варанью, но с непропорционально длинными клыками.

Секундой позже своего зверя пришлось уложить и Книжнику. Сам он понял, что в руках у него арбалет, только увидев два болта, торчащих из головы и туловища твари, держащейся у его ног.

Непонятно, как хищникам удалось подкрасться так тихо, но, похоже, они давно шли по следам людей. Это явно была стая, и пока не было ясно, насколько крупная. Зигфрид не стал дожидаться, пока сородичи убитых монстров проявят себя, и, выхватив меч, сам вышел вперед, внимательно глядя по сторонам.

– Наверное, их только двое было, – предположил Слава.

И тут же, словно ниоткуда, сразу три монстра бросились на Зигфрида. Зрение не могло подсказать, откуда они вынырнули, помог разум.

– Они сливаются с почвой! – крикнул семинарист, глядя, как вест расправляется с голодным зверьем. – Они как хамелеоны – их просто не видно на поверхности!

Еще пара ударов – и разрубленные твари перестали представлять собой какую-либо угрозу.

– Смотреть в оба! – отрывисто бросил Зигфрид, вертя головой и готовый отбить нападение. – Давайте-ка отсюда подальше.

Группа едва успела отойти на десяток шагов, как земля и камни вокруг зашевелились, и к трупам убитых зверей потянулись их «проявившиеся» сородичи. Чавканье, хруст костей и утробный рык возвестили о начале пиршества.

– Ну все, мы им больше не интересны, – усмехнулся Зигфрид.

Книжник кивнул.

Однако, пустота здесь обманчивая. Людей здесь нет, верно, но это не значит, что можно, позевывая, разгуливать по внешне спокойным равнинам. Этот мир слишком голоден и скуден, чтобы быть уверенным в собственной безопасности. Нельзя забывать, что ты в первую очередь – кусок мяса, ходячий бурдюк с питательной массой, и лишь во вторую – разумное существо. Да и настолько ли разумен сам человек, если большая часть знаний и усилий он направляет на удовлетворение тех же потребностей, что и остальные живые твари – набить брюхо и размножиться?

– Интересно, долго ли они здесь ждали добычу? – произнес Слава. – Места здесь такие пустынные, непонятно, на кого охотиться. Раз в год бродяги, вроде нас пройдут, да и все...

– Есть существа, способные не жрать годами, – сказал Книжник. – Просто впадают в спячку – пока условия не изменятся. Может, эти такие же: покуда ждут добычу – просто сливаются с местностью и спят, пока запах не учуют или не услышат звук.

– Скорее всего, так и есть, – согласился Слава. – Неприятно как-то знать, что в любой момент на тебя могут броситься...

– А что, у вас в море безопаснее? – спросил Книжник.

Слава покачал головой:

– Это другое. В море я иду, как на бой, специально собираюсь, готовлюсь. Во время погружения я готов к любым сюрпризам. Да и не каждый день я погружаюсь – это просто невозможно. Среда агрессивная даже для меня. Тело должно как следует восстановиться. Да и длится погружение не больше получаса. Потом отдых на поверхности и возможен повторный нырок. А потом – я дома, под защитой стен, своих товарищей и братьев. А здесь... Здесь я жду нападения каждую минуту, с любой стороны. И никогда не знаю, что именно на меня

нападет, в какую ловушку попадусь я сам. Даже во сне я не могу быть спокоен. Вот скажите – разве можно так жить?

– Можно! Ко всему привыкаешь, – отозвался Книжник и поразился легкости собственных слов.

Ведь еще не так давно он сам задавал Зигфриду такие же вопросы. Ведь он, кремлевский семинарист, вырос в относительной безопасности, под защитой ратников и крепких стен. И пусть жизнь всегда была сурова и скудна, но зато стабильна и спокойна. И уже тогда он, юный семинарист, понял, что не стабильности и библиотечного покоя он ждет от жизни, а движения, борьбы, схватки. И теперь, бредя по пустынным и опасным землям, ничуть не жалеет о собственном выборе.

– Вот ты сам – сорвался из дома, взял и отправился к черту на рога, – продолжил Книжник. – Неужели ты не хотел на мир посмотреть, себя испытать?

– Нет, – Слава покачал головой и странно поглядел на семинариста. – Чего мне почем зря себя испытывать?

Тут Книжник и понял главную разницу между ним и этим парнем из далекого южного города. Он, Книжник, что ни говори – всего лишь искатель приключений, романтик, у которого голова набита всякой дребеденью, почерпнутой из книг. Все, что он собой представляет, создано им самим по образу, нарисованному собственной фантазией, срисованному с книжных картинок, с примеров знакомых ратников, да и с того же Зигфрида, чего скрывать.

А Слава – он такой, каким вылепила его природа. Его способности, его взгляд на окружающий мир, его внутренняя сила и храбрость – они не созданы неким усилием. Они естественны и полностью соответствуют тому миру, в котором приходится жить и бороться за существование этому парню. Именно поэтому он чувствует себя не в своей тарелке на непривычных городских улицах, в этой чуждой ему природе. Но он никогда не струсит и будет драться до конца даже там, где не имеет привычных преимуществ, как в знакомой морской среде.

Он такой, какой есть. Настоящий.

И это то, чему всегда будет завидовать семинарист, пытающийся примерить на себя чужую шкуру. Потому что природу не обмануть, не переиграть. Природа всегда была куда лучшим художником, чем человек. И остается либо продолжать жалкое подражание, либо смириться и принять себя таким, какой ты есть.

Книжник мрачно усмехнулся. Свой выбор он сделал. Пусть он сам – всего лишь жалкое подражание сильным, но это его собственный путь, с которого он уже не свернет. И его собственная сила – не в этих завидных природных качествах, на обладание которыми он никак не в состоянии повлиять, как не может человек выбрать себе родителей, расу, цвет глаз. Его сила – в самом умении преодолеть себя, изменить собственную природу, насколько это вообще во власти человека. Подавить природную неуверенность и страх, преодолеть слабость, сделать то, что в его окружении считается невозможным. Именно в этом его сила. И кто его знает, возможно, эта сила позначительнее той, какой с рождения наделяет природа.

Дальнейший путь до Остафьево проделали без приключений. Когда впереди, за смятыми клубками ржавой колючей проволоки на обширной бетонированной площади показались стремительные силуэты самолетов, Книжник ощутил легкое волнение. Это было как встреча с легендой. В сознании современников самолет – это что-то вроде сказочного дракона, в которого одни верят, другие не верят, но никто вживую их не видел. Доводилось, правда, видеть полузатопленный остов авиалайнера в Москве-реке у Железного Кладбища, но то не в счет. Здесь же самолеты – такие как есть, разве что навеки прикованы к земле.

При ближайшем рассмотрении впечатление несколько смазилось. Крылатые машины оказались искореженными до неузнаваемости, и теперь уже не поймешь – Последняя Война

их так потрепала или мародеры, пытавшиеся растащить их на составные части. Ясно было одно: эти никогда уже не взлетят.

А жаль. Невыносимо, до боли жаль. Тысячи лет человечество шло к реализации своей заветной мечты о полете, выдумывая легенду об Икаре и создавая примитивные конструкции, неспособные оторваться даже на метр от земли. И вот, обретя крылья на какую-то сотню с небольшим лет, люди снова низвергнуты на землю.

Хочется верить, что не навсегда.

– Эй, Слава! Где же твой самолет? – с легкой иронией поинтересовался Зигфрид. – Может, вот этот?

Он указал на бесформенную грудку металла на границе летного поля, над которой кружили какие-то крылатые твари, похожие на летучих мышей.

– Нет, – покачал головой Слава. – Скорее, вон тот.

Спутники с улыбками поглядели туда, куда он указывал, все еще считая, что тот просто поддерживает шутливую беседу.

Не тут-то было. Там, куда указывал Вячеслав, виднелось что-то большое, черное, выглядевшее грубым металлом. На первый взгляд бесформенное, но вместе с тем – неуловимо грозное.

– Это еще что за хреновина? – изменившись в лице, проговорил Зигфрид.

– Они ждут! – бледно улыбнувшись, сообщил Слава. – Значит, не обманули!

– Они – это кто? – с опаской поинтересовался Книжник.

– Пойдемте! Все своими глазами увидите.

– Резонно, – прохладно согласился Зигфрид.

Он скептически относился к любым новым знакомствам, предпочитая проверенные связи. Впрочем, легко шел на контакт, если считал это выгодным в той или иной ситуации. Сейчас ситуация была малопонятной, а та «хреновина», в сторону которой их тащил Слава, выглядела более чем угрожающей.

По мере приближения стало заметно жаркое марево, поднимающееся над странным объектом. Что-то знакомое просматривалось в его контурах, частично скрытых массивными железными панелями. Они уже приблизились к зловещей машине, когда та вдруг с ядовитым шипением окуталась облаком горячего пара.

Книжник не смог сдержать изумленного возгласа. Он понял, что это такое.

Паровоз! Громадный, прочно стоящий на рельсах паровой локомотив, правда, плотно укутанный в мощную ребристую броню. Впереди и позади паровоза имелись такие же бронированные вагоны, тоже ребристой формы, с наклонными гранями бортов, с прорезями бойниц, торчащими во все стороны пулеметными стволами и двумя танковыми башнями – по одной на переднем и заднем вагоне. Паровоз Книжнику уже доводилось встречать – в Железной Шкатулке, что на дне каньона за Чашобой. Тот, правда, пыхтеть пыхтел, но на ходу не был. Здесь же – совсем другое дело.

Бронепоезд. Самый настоящий бронепоезд, словно сошедший с картинок про Гражданскую войну. С некоторыми усовершенствованиями, не менявшими, впрочем, сути концепции. Это рождало сразу же кучу вопросов, даже непонятно с какого начать. Например, где взять столько угля или дров, чтобы двигать эту громадину? Когда-то на каждой станции были целые склады топлива – а теперь как? Или другой вопрос: неужели сохранилась старая сеть железных дорог, способная нести этого монстра? Не разобрали ее на металл и деревянные шпалы в долгую ядерную зиму? Хотя шпалы вроде бы из бетона делали... Но вопросов от этого не становится меньше. И главный среди них: неужто это правда – и сообщение между дальними частями некогда огромной страны в принципе возможно? Что же это означает?

От нахлынувших мыслей о дальнейших перспективах захватило дух. Только сейчас, медленно приходило понимание того, что даже громадная Москва с ее величественными

руинами и бесчисленными сокровищницами знаний, рассыпанными по развалинам и подземельям, – это всего лишь часть бесконечно огромного мира. Сидя в Кремле, за толстыми стенами, не осознаешь этого, а сам мир ощущаешь крохотным, сжавшимся в пределах этих стен, за которыми – абсолютно враждебные пространства, сплошь населенные врагами.

А мир огромен. Слишком громаден, чтобы игнорировать этот простой и ясный факт.

Слава шел впереди, нетерпеливо оглядываясь и норовя перейти на бег. По мере приближения к величественной машине нарастало необъяснимое беспокойство. Даже Зигфрид невольно положил руку на кобуру револьвера. Словно почувстввав человеческий страх, с электрическим гулом повернулась в их сторону кормовая орудийная башня. Невольно вжав голову в плечи, семинарист поглядел на Славу. Но тот был нарочито бодр и вроде бы даже доволен.

– Я же говорил – будет транспорт! – крикнул он. На лице его читалось облегчение – словно он сам не верил, что его здесь дождутся. – Сейчас поедем с комфортом!

Его прервал душераздирающий скрежет, сменившийся хриплым голосом, усиленным громким мегафоном:

– А ну, стоять! Стоять, я сказал! И не дергаться – открою огонь.

Друзья замедлили шаг, остановились. Переглянулись, ожидая продолжения. Оно не заставило себя ждать:

– Кого там черт принес?

– Пузырь, это я, Слава с Балаклавы, не узнаешь, что ли?

– Тебя узнаю. А что это за перцы с тобой приперлись? Другие же были, вроде.

– Малой и Шура погибли. Нарвались на мародеров. Это просто нелюди, твари. Будь моя воля, я бы всех мародеров перевешал, я бы этих гадов сжег бы заживо! – Славу перекосило от ненависти, кулаки его сжались до хруста. Таким его еще не доводилось видеть.

– Ты там как-то поаккуратнее с пожеланиями, – донеслось со стороны бронепоезда. – Мы тоже как бы не странствующие монахи.

– Прости, дружище. Я благодарен, что ты нас дождался...

– Не льсти себе. Мы никого не ожидаем. Тебе просто повезло, что нам по пути.

– Так тыпустишь нас внутрь?

– Я не доверяю этим двоим. Кто они такие? Откуда взялись?

– Они кремлевские. Вызвались мне помочь.

– Кремлевские? – голос неприязненно усмехнулся. – Никогда не видел кремлевских. Говорят, это они Последнюю Войну устроили.

– Что за ерунда? – возмутился Книжник. – Кто это так говорит?

Слава шикнул на него, пытаясь одернуть. Мегафонный голос с удовольствием ответил:

– Все говорят. Мол, кремлевские Последнюю Войну развязали, ракеты, там, запустили куда-то. Не так, что ли?

Книжник хотел было засыпать невидимого собеседника аргументами – еще год назад он так бы и поступил. Но этот год давно прошел, и юношеский задор уступил место куда более рациональному поведению. А потому он просто и веско сказал:

– Если тебе интересно – я все расскажу. В дороге.

Голос ответил не сразу. Зигфрид незаметно показал другу большой палец: «Молодца!».

– Ты головастый малый, – сказал, наконец, голос из машины. – Мне это нравится. А этот громила с тобой – тоже потрепаться любит?

– Да не особо. Он воин.

– Да любой оборванец с гранатой – уже воин. А что он вообще может? В карты играет?

– В карты играешь? – быстро переспросил Слава.

Зигфрид с некоторым удивлением приподнял бровь:

– Можно и в карты. А можно и в «бутылочку». Не заставляй же тебя скучать. Судя по голосу, ты просто сногшибательная красotka.

Мегафон сипло заржал. Отхохотавшись, голос бросил:

– Ладно, эти двое мне нравятся. Пусть залезают на борт. Я не привереда, но они должны понравиться и моим ребятам – а это уже сложнее.

Слава аж просиял. Поманил за собой, направившись в сторону кормового броневагона, по пути быстро наставляя:

– Ну что, Пузырь вас принял! Он дядька нормальный, хоть и странный немного. Остальные... Хм... Вы, главное, ничему не удивляйтесь и не таращьтесь на них, они этого не любят.

– А чего нам на них таращиться? – отозвался Зигфрид. – Ты нас не пугай, мы всякое видали.

Как оказалось, таращиться было на что.

Они остановились у крутого скоса шершавой броневой плиты. Тяжелая дверь в ней со скрипом ушла в темную глубину, и наружу вывалилась железная лестнка, выполнявшая, наверное, роль трапа. Слава кивнул спутникам: давайте вперед. Книжник сунулся было первым – и едва не отпрянул назад с диким воплем: из двери высунулась огромная, черная, жуткая обезьянья морда.

Нео! Черт возьми, команда бронепоезда – нео?!

– Привет... Ты – Пузырь? – дрожащим голосом произнес Книжник.

– Сам ты Пузырь, – рокочущим басом изверг нео. – Что таращишься, хомо? Так и будешь здесь висеть или внутрь зайдешь?

Переборов себя, Книжник шагнул через широкий железный порог в тесное пространство вагона. Внутри было сыро и душно. Под потолком бледно светились крохотные электрические плафоны, освещавшие ржавые стены тесного тамбура, из которого в обе стороны вели такие же железные двери.

Пришлось посторониться, чтобы пропустить спутников. Увидев нео, Зигфрид машинально потянулся за мечом, но вовремя опомнился и отвел руку.

– Привет, Тарзан, – спокойно сказал Слава. – Где все?

– Кто здесь, кто на охоте, – отвернувшись, сквозь зубы процедил нео. – Идите за мной, Пузырь хочет вас лично обнюхать.

После таких слов Книжник вполне допускал, что у этого Пузыря окажется какая-нибудь собачья морда, тем более что обитатели вагона вполне этому соответствовали. Пройдя вслед за Тарзаном в дверь по направлению к паровозу, новоявленные пассажиры словно очутились в зверинце – такая здесь стояла вонь. Имелись и самые настоящие клетки – железные прутья отделяли треть ширины вагона от пространства, заставленного жестяными ящиками и мешками.

Пытаясь рассмотреть, что же там, в клетке, семинарист приблизился к прутьям. И шарахнулся от неожиданности: в лицо ему бросился здоровенный, черный как смоль, рукокрыл. Зашипел что-то малопонятное, забрызгал слюной, пытаясь просунуть сквозь прутья омерзительную зубастую морду.

– Сидеть, Птичка! – рывкнул нео, и рукокрыл, огрызнувшись, попятился в темную глубину клетки.

Не успел Книжник прийти в себя, как из соседней клетки в его сторону протянулась рука в грязных обмотках. Схватила за куртку и с силой потянула к прутьям. Из мрака показалась голова, плотно замотанная в рваное тряпье. Воспаленные красно-желтые глаза, подрагивая, жадно оглядывали его.

– Ты кто такой? – обдавая смрадным дыханием, прохрипела дыра, заменившая этому чудищу рот.

Да это же дамп! Черт, не хватало только подхватить от этого пугала заразу! Книжник дернулся, отчего только треснула ткань камуфляжной куртки. Не теряя времени, дамп ухватился за куртку второй рукой.

– Отстань, урод! – заорал парень, упершись ногой в решетку.

На помощь пришли Слава и Зигфрид, не без труда вырвав его из лап «заключенного».

– Отдай ефо мне! – визгливо крикнул дамп. – Слышь, Тарфан? Дай покурафиться, на мелкие куфочки покрошить, сладенькофо этофа хомо!

Он шепелявил, что выдавало гнилой, беззубый рот, и от этого к горлу подкатывала новая волна омерзения.

Нео в ответ лишь зевнул огромной пастью, полной кривых желтых зубов. Вместо него к решетке придвинулся Слава и сказал, насупившись, с неприкрытой угрозой:

– Притихни, Живоглот. Если ты его хоть пальцем тронешь – я из тебя душу выну! Если она еще есть в твоём гнилом теле!

– Не мнофо ли на сефя берефь, умник? – вкрадчиво поинтересовался дамп, припав затынутым тряпками лицом к решетке. – Я-то фдесь ф доле, а ты – профто паффажир, мяфо!

– Ты в доле, но в клетке, – отрезал Слава. – Надеюсь, ты меня понял.

– Это я пока ф клетке, – неприятным голосом вслед уходящим бросил дамп.

– Зачем его здесь держат? – спросил Зигфрид, когда они перешли из «зверинца» в узкий тамбур между отсеками. – Он, что, пленник?

Слава покачал головой:

– Нет. Он в доле – член банды.

– Что он, провинился? Чего его в клетке держат?

– Его всегда там держат. Он же дамп, кровожадный псих, ему доверять нельзя. Он же сам за свои действия не отвечает: ударит моча в голову – и давай всех полосовать.

– Ничего себе поделничек. И зачем они его, такого, держат?

– А затем, чтобы выпускать по мере надобности. В бою он – дикая сила. Стремителен, безжалостен, один троих стоит. Там, где другой замешкается, этот будет резать, душить, зубами грызть. И даже не за долю в добыче – так, за идею. А как покуражится, его на цепь и в клетку. Да он вроде и не в обиде – в одиночку-то ему не выжить.

– Это еще почему? – не понял Книжник.

– А он от септа отбился, – пояснил Зигфрид. – Ты что, забыл, что они только «семерками» ходят?

– Ну, слышал...

– Ну так вот, если дамп к какой-то такой группе не прибьется – то сдохнет, вроде как от тоски. А шансы встретить на пути неполный септ стремятся к нулю. Куда вероятнее, что его прикончат, как гадину. Кстати, полноценный септ его тоже прикончит.

– Почему? Он же, вроде как, свой?

– Потому что будет нарушать боевой порядок, а стало быть, будет раздражать сородичей. А что делают дампы, когда раздражаются? Правильно.

– Но как же... В здешней банде, вроде, кроме него нет дампов!

– Но его же приняли за своего? Приняли. Стало быть, вопрос решен.

Так, болтая на отвлеченные темы, и добрались до «командирского» купе. Нео грохнул по мятой железной двери волосатым кулачищем, гаркнул:

– Привел!

Щелкнул замок, дверь открылась. Гости вошли внутрь.

«Купе» оказалось просторным кабинетом, больше напоминавшим капитанскую каюту. Здесь была поднятая сейчас к стене койка, стеллажи и главенствующий в «каюте» роскошный письменный стол. Стол был, несомненно, антикварный – полированного темного дерева с россыпью узоров и вензелей и зеленым сукном поверху. Очень гармонично смотрелся на

этом сукне не менее роскошный канцелярский прибор из малахита с часами и глобусом. Что смотрелось куда менее эстетично – так это ноги в пыльных полусапожках и полосатых брюках, закинутые на стол. Ноги принадлежали плешивому толстяку, развалившемуся в огромном кожаном кресле потертой черной кожи. Толстяк был затянут в трещащую по швам засаленную жилетку поверх полосатой рубашки с самыми натуральными запонками на запястьях. Самое потрясающее – на жирной шее имелся галстук – вещь, которую Книжник видел только на картинках, и смысла в которой, в общем, не видел. Толстяк, похоже, тоже: уникальный предмет одежды болтался довольно свободно – видимо, завязанным мешал нормально дышать. Еще одним редким предметом одежды были круглые черные очки, скрывавшие взгляд. Редкие волосы были зализаны назад, в зубах сигара. Черт его знает, где этот тип ее раздобыл, но дыму она давала прилично, заволакивая кабинет и обдавая присутствующих удушливым чадом, не лишенным, впрочем, некоторого специфического аромата.

Пухлые пальцы небрежно постукивали по столу рядом с совершенно чудовищных размеров пистолетом, название которого не сразу всплыло в памяти Книжника.

«Маузер»! Легендарный «Товарищ Маузер» модели К-96! Точно такой он видел в музее Арсенала, где случалось бывать на экскурсиях еще в семинарские времена. Это оружие ассоциировалось у семинариста исключительно с революционными событиями трехсотлетней давности, с дикой вольницей Гражданской войны и, как ни удивительно, с бронепоездами. Не по такой ли ассоциации хозяин раздобыл себе этот редкий экземпляр? Стреляет это пугало или нет – большой вопрос, но если толстяк рассчитывал произвести на гостей впечатление, то этого он, несомненно, добился.

Хозяин мог не утруждать себя представлениями. Невооруженным взглядом было видно, что перед путниками – тот самый Пузырь.

– А вот и они! А я уже заждался, – с необычной для своей комплекции резвостью толстяк сдернул ноги со стола, вскочил с жалобно скрипнувшего кресла и подошел к вошедшим.

Рост его толщине совсем не соответствовал, и Пузырь глядел на всех снизу вверх. Впрочем, глядел по-хозяйски, с прищуром, эдак оценивающе. Оглядев, сделал пару шагов назад и уселся на стол. Книжник невольно прикусил губу: ему показалось, что стол сейчас рухнет под этой тяжестью.

Стол выдержал. Толстяк теперь поглядывал на гостей с ироничной задумчивостью, продолжая грызть дымящую сигару. Отблески плафона над головой сверкали в черных стеклах очков. В его руках появилась колода карт, которую он машинально перетасовывал, погрузившись в размышления.

– Значит, так, – сказал он наконец. Отложил карты и окутался клубами табачного дыма, отчего у Книжника защипало глаза, а Слава сдавленно кашлянул в кулак. – Я готов принять вас на борт моего «Дракона»...

– «Дракона»?

– Да, так мы зовем нашу машину. И, поверьте, она полностью оправдывает свое гордое имя. Так о чем это я? Тьфу на вас, совсем с толку сбили. Ага, вот! Вы же понимаете, что даром в этом мире ничего не бывает.

– Так-так, – сказал Зигфрид, сложив на груди руки. – Очень интересно.

– Да вы не волнуйтесь! – довольно оскалившись, отмахнулся Пузырь. – Мы же не звери, мы все понимаем – у вас свои дела, не на прогулку едете. Славка ваш вон не даст соврать: мы народ справедливый, так?

– Да уж... – протянул Слава таким голосом, что в справедливости хозяев бронепоезда возникли серьезные сомнения.

– Вот и я говорю! От вас я попрошу всего лишь небольшую компенсацию за транспортировку. Так сказать, ответную услугу. Вот ты, – он ткнул жирным пальцем с массивным перстнем в грудь Зигфрида, – ты, я вижу, опытный вояка. И оружие у тебя серьезное.

– Допустим, – холодно сказал Зигфрид.

– Возможно, нам понадобится ваша помощь в одном небольшом дельце. Небольшая такая помощь, пустячная. А?

– А мы можем отказаться? – ровно поинтересовался Зигфрид.

– Конечно! – Пузырь проникновенно прижал руки к груди. – Я же никого не неволю! Можете, можете отказаться...

Он выпустил дым и осторожно, чтобы не сломать, загасил сигару в массивной стеклянной пепельнице. Повернулся бочком и добавил:

– Но тогда и я могу отказаться везти вас. Пешком потопаете. Может, месяца через три дойдете. Если по дороге не сожрут – есть там, знаете, такие места... – он выразительно цокнул языком. – Справедливо?

Зигфрид хмуро поглядел на Славу. Тот, видимо, не ожидал такого поворота, и выглядел растерянным. Пробормотал только:

– Но мы же заплатили...

– Верно, – кивнул Пузырь. – Да только заплатил ты за других. И где они? А у меня билеты перепродаже не подлежат. Да и расходы растут. А мне боеприпасы покупать... Слушайте, а может, я зря трачу ваше время? Может, вам уже идти пора? Я это к тому, что пока мы тут болтаем, мои ребята с охоты вернутся. Это я с вами по душам поговорить рад, а они могут и не понять, что здесь чужаки делают. Глядишь, стрелять начнут...

– Мы согласны, – сказал вдруг Зигфрид.

– Что-что? – толстяк сделал вид, что не расслышал.

– Согласны, говорю. Поможем тебе в твоих делишках. Если ты, конечно, душегубство не предлагаешь. Мы, видишь ли, женщин и детей не трогаем.

– Побойся бога! – Пузырь всплеснул руками, заглянул в глаза воина. – Ты ведь веришь в бога?

– В богов.

– Тем более! Помощь нужна исключительно оборонительная. Прикрытие и все такое. Да я вообще почти уверен, что до драки не дойдет. Тут, видишь ли, дело принципа: услуга за услугу.

– Я понял.

– Тогда по рукам?

– По рукам!

– Отлично! – Пузырь довольно потер руки, вытащил из-под стола такую же пузатую, затянутую паутиной, но уже початую бутылку. – Тогда за знакомство! Непременно, непременно, и не вздумайте отказываться – обижусь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.